

ТОРТИКИ ТЕМНОГО ИМПЕРАТОРА

Анастасия Коневская

Анастасия Коневская

Тортики Темного Императора

<https://litres.ru/74563829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я устал править Темной Империей, сбежал в другой мир и оказался в Российской Империи. Магов здесь немного, и они скрываются от обычных людей. Их так легко можно было завоевать... но я этого больше не хочу. Пора исполнить настоящую мечту детства — открыть кондитерскую. И неважно, что местным это не нравится — у Темного Императора есть много способов, как разобраться с недовольными. Трепещите! Грядут лучшие эклеры в вашей жизни.

Содержание

Глава 1. Осада Темного Замка	4
Глава 2. Новый мир	14
Глава 3. Чарodelьск	22
Глава 4. Дворяне	32
Глава 5. Полицмейстер	38
Глава 6. Печеные яблоки	45
Глава 7. Новый день	53
Глава 8. Костюмчик	62
Глава 9. Машка	72
Глава 10. Золото	81
Глава 11. Сделка	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Анастасия Коневская

Тортики Темного Императора

Глава 1. Осада Темного Замка

Я с детства любил печь торты. Но родители постоянно твердили: торты — это несерьезно, учись хорошо и стань хотя бы императором какой-нибудь захудалой империи, а возню с выпечкой оставь простолюдинам.

Вот я и послушался. Амбиции у меня всегда были, как и упорство, и талант, и я направил все эти свои замечательные качества не на кондитерское дело, а на завоевание мира. Интриги, обман, шантаж, пара поднятых кладбищ нечисти, небольшой завод по клонированию орков... И вот я уже короновался в своей первой небольшой империи. Родители мной гордились, и я собой тоже гордился, хотя особой радости и не ощущал. Это просто была работа. Но любую работу нужно делать хорошо, а потому следом я захватил пару соседних государств... Потом еще пару... Так моя Империя разрослась почти на полмира.

Однако чем больше становилось государство, тем сложнее было им управлять. Тем более, не все любили орков и меня.

Восстания вспыхивали одно за другим, но я успешно их подавлял. Одно за другим, одно за другим... Последнее восстание было особенно утомительным и нудным. Герои в сияющих латах вот уже одиннадцатый раз осаждали мой Темный замок, а я смотрел на это с балкона и не испытывал... ничего. Только усталость.

Впереди простирался унылый пейзаж, над которым плыл дым от пепелищ, раздавались набившие оскомину крики и звуки битвы. По слуху неприятно били монотонные гулкие удары тарана о замковые ворота.

"Вот бы бросить это все... — тоскливо подумал я. — И уехать подальше, туда, где меня никто не знает".

— Ты Армагеддон будешь вызывать или нет? — спросил мой фамилляр, пушистый и сильно располневший в последнее время черный кот, единственный, кто меня понимал и даже почти не раздражал. — Они сейчас ворвутся.

Я вздохнул. Армагеддон, расплавленный небесный огонь, уничтожит вражескую армию и часть моих орков. Потом будут зачистки, казни, штамповка новых орков... Скука смертная. Серая рутина.

— Угу, — сказал я.

Кот, Крушитель Сущего, как его звали, или по-другому, Круш, покосился на меня желтыми глазами.

— Может, тебе отпуск взять? Выглядишь несвежим.

— Уйду в отпуск — и тут сразу все развалится.

— А не уйдешь — сам развалишься, — назидательно ска-

зал Круш.

Я снова вздохнул. В этот момент послышался грохот — вражеская армия наконец протаранила замковые ворота. Надо же, как быстро — и часа не прошло. Учебник по осаде они, что ли, изучили?

Что-то я и правда устал. Работа, работа, одна лишь работа. Никакого продыху, и конца и края этому не видно. Да, у меня хорошо получалось, я был успешен в управлении Темной Империей. Но я не любил этим заниматься. Это не приносило мне никакого удовольствия. Я работал Темным Императором скорее по инерции, по привычке, потому что жаль было своих заслуг. Да и начинать что-то новое — это силы, время, риски.

Но с другой стороны, жизнь идет, а я все так же правлю Темной Империей. Столько лет просиживаю на нелюбимом месте, то есть, троне.

— А может, и правда все бросить и уехать в глушь?

Мысль была такой заманчивой и освободительной, сулящей блаженство и радость, что я всерьез испугался. Давно я не испытывал такие сильные положительные эмоции — предвкушения, любопытства... А не унылой необходимости продолжать ходить на нелюбимую работу с ее проблемами.

— Что бросить? — насторожился Круш.

— Ну, вот это все.

В коридорах замка уже начали раздаваться первые вопли и лязганье мечей. Что-то грохнуло. Рядом со мной тревож-

но заклубились мои верные слуги, Тени Бездны. Я на них цыкнул, и они неохотно втянулись в обычные интерьерные тени, слились с бордовым бархатом портьер и изгибами черных мраморных статуй.

Круш замер и недоверчиво дернул ухом.

— В смысле — вообще все бросить? И мою пятиэтажную когтеточку?

— Ты ей все равно не пользуешься и дерешь обивку моего трона! — я сделал строгое лицо. От такого выражения некоторые мои слабонервные подданные сразу начинали притворяться мертвыми, но Круша этим было не пронять.

— Я не буду это комментировать, — с достоинством сказал он. — И куда ты собрался?

— Куда-нибудь далеко. Куда не долетают духи-гонцы с новостями о том, что мне срочно нужно лететь на запад Империи отражать нападение эльфов. Где нет советников, которые ноют о том, что урожай на востоке Империи съела демоническая тля. Туда, где от меня никто не требует провести срочную реформу образования и открыть на севере Империи школы для орков. Школы для орков, Круш! Что может быть нелепей! Я хочу отправиться туда, где нет всего вот этого! — я махнул рукой в сторону высоких золоченых двухстворчатых дверей, которые уже сотрясали удары. С каждым словом я все больше воодушевлялся, а план побега казался все более заманчивым. — Собирайся, Круш, мы переезжаем, — наконец, решил я. — В другой мир.

— Что, серьезно?

— Серьезнее некуда.

Круш спрыгнул с перил балкона и направился к дверям во внутренние покои, ворча себе под нос:

— Из крайности в крайность... То работа с утра до ночи без праздников и выходных, то вдруг переезжает он...

— Я все слышу! — крикнул я ему вслед. Не был бы он котом, я б его за такие разговорчики давно казнил.

Когда кот исчез в коридоре, я протянул руку, и ближайшая Тень угодливо вложила в мою ладонь заостренный кусочек мела для магических ритуалов. Я придиричиво осмотрел кусочек. В другой мир попасть — это вам не за город съездить. Серьезная магия нужна. Я опустил на колени и начал быстро чертить на мраморном полу сложную схему для ритуала перемещения. Линии должны быть идеальными, иначе нас с Крушем и Тенями может не только размазать, но и занести черт знает куда. А мне не нужно было черт знает куда. Я хотел отправиться в полноценную качественную глушь, и никуда больше.

Когда узор был почти завершен, двери тронного зала наконец с треском распахнулись. Похоже, эта группа бунтовщиков учебник по осаде не дочитала — вон как долго возились с простыми зачарованными дверями. Позорище, и с кем мне только приходилось сражаться. И как хорошо, что больше этим заниматься не придется!

В большой мраморный зал ввалилась группа моих врагов,

впереди которой шел рыцарь в нелепых латах с гербом, который напоминал перекошенную картофелину. Новое лицо — этого я еще не побеждал. Что, впрочем, логично, старые-то лица я все уничтожил.

— Сдавайся, тиран! — гаркнул он. — Я, Всеволеполк Могучий, прибыл свергнуть тебя!

Я на секунду отвлекся от рисунка и изумленно посмотрел на рыцаря..

— Всеволе... что? — переспросил я, поднимаясь и начиная вливать магию в чертеж, — Кто дал тебе это нелепое имя? Твои родители явно были не в себе.

Рыцарь опешил, но тут же выпятил грудь.

— А с твоими родителями все было в порядке, когда они называли тебя Ксандримор? — засмеялся оруженосец, стоявший за спиной рыцаря.

Нет, ну это уже слишком. Приходят без приглашения, двери ломают, еще и гадости говорят.

— Ты смеешь оскорблять моих родителей? — своим особым грозным голосом спросил я.

За моей спиной сгустились Тени, за окном эффектно грохнуло раскатом грома.

Парень перестал смеяться, но было поздно. Я взмахнул рукой, и невидимая сила легко подхватила его, как будто он ничего не весил, и швырнула в огромное витражное окно. Стекло со звоном разлетелось на тысячи осколков, и вопящее тело оруженосца исчезло в высоте.

Я поморщился, глядя на зияющую дыру.

— Жалко витраж, — сказал я рыцарю. — Он, между прочим, был эльфийский. Можешь в следующий раз повоспитаннее оруженосцев выбирать?

— Следующего раза не будет! Сдавайся! — взревел Всеzubоволк и выхватил меч.

В этот торжественный момент из боковой двери неспешно появился Круш. В зубах он тащил огромный и судя по всему тяжелый холщовый куль. Тот со скрежетом волочился по мраморному полу, пока кот не остановился и не выплюнул ткань изо рта.

— Ну, ты долго? — спросил он, недовольно косясь на рыцаря.

Я тем временем продолжал вливать магию в руны на полу. Линии уже засветились фиолетовым, что означало подготовку ритуала. Если бы меня не отвлекали всякие личности и их оруженосцы, давно бы закончил!

— Ты там чего набрал? — спросил я кота.

— Всего самого необходимого, — безапелляционно заявил он. — Скажи Теням, пусть несут. У меня уже клыки отваливаются тащить эту тяжесть.

— Может, уже сразимся?! — начал терять терпение Все-молешуб, или как там его звали, и грозно шагнул мне навстречу.

— Убей этого клоуна и пошли, — тоже поторопил меня кот, передавая услужливо подскочившей Тени свой скарб.

— Я уже настроился на переезд, давай быстрее, пока я не передумал.

— Почему всем от меня всегда что-то надо? Причем срочно, прямо сейчас?! — я напугал силой последний виток спирали.

— Такова судьба Темного Императора, — философски заметил Круш.

Точно. И именно ее я и собирался изменить.

Всерыбосолку надоело ждать. Он взревел и рванул в мою сторону с оголенным мечом, наверное, зачарованным, потому что его клинок противно гудел и неравномерно сиял — сразу видно работу дилетантов.

Одна из Теней тут же материализовалась на его пути и подставила ему подножку. Тот с оглушительным дребезжанием доспехов грохнулся на мраморный пол и с противным визгом металла о камень проехал несколько метров. Остановила его только черная мраморная статуя, которая изображала, конечно же, меня.

Все присутствующие поморщились от мерзкого звука, даже Тень, которая брезгливо отряхнула черную ногу. К счастью, до моего круга рыцарь с непроизносимым именем не доехал — если бы повредил рисунок, я бы его максимально мучительно убил. А так он умрет не максимально мучительно, так, слегка пострадает перед кончиной.

Круш понял, что дело идет к завершению, разбежался, запрыгнул мне на плечи и обвился вокруг шеи как очень пу-

шистый и очень толстый меховой воротник. Я даже покачнулся от такого маневра — было такое ощущение, что на меня запрыгнул буйвол.

— Тебе пора на диету, — прохрипел я.

— А тебе пора уходить! — напомнил Круш.

И действительно, к Всемукомолку подскочил второй оруженосец и с трудом помог своему господину подняться. Тем временем в зал уже начали подтягиваться другие воины в латах — и пара косматых волшебников в серых робах.

Никогда не понимал этого аскетизма. У тебя есть волшебные силы — покрась ты волосы и одежду нормальную раздобудь. Нет же, надо таскаться, как последний бездомный, интерьеры вражеских дворцов портить своим видом.

— Сейчас, немного осталось, — пробормотал я и активировал две последние руны.

И почему я не решился на это раньше? Все теперь приходилось делать впопыхах.

Тем временем облезлые старцы начали кастовать какие-то светлые заклинания. Воздух завибрировал и нагрелся. Ладно.

Я последним взглядом обвел тронный зал своего Темного замка. Прощай, моя империя. Я не буду скучать.

— Тени, — негромко приказал я.

Тени тут же рванули из всех углов и сплели вокруг меня плотный кокон из абсолютной тьмы. В этот момент в меня со стороны старцев полетело нечто яркое, светлое и потен-

циально опасное — те в этот раз явно подготовились и колдовали вместе, сплетая единое и, скорее всего, смертоносное для меня заклятие.

Но я не собирался его отбивать.

Прежде чем мы исчезли, я хлопнул в ладоши, и окружающее пространство сложилось, будто кто-то скомкал его огромной сильной рукой, как лист бумаги. Под грохот камней и крики ужаса моих врагов я переместился в другой мир.

* * *

И первое, что там увидел — морду демона.

Глава 2. Новый мир

Что ж, нас хотя бы не размазало. Это уже был несомненный плюс.

Мир, в который мы прибыли, оказался на удивление обычным: солнечным, теплым, с прозрачно голубым небом, сочной зеленью и стрекотом кузнечиков. Тем более необычным было встретить здесь рогатую тварь, которая мирно стояла на четырех лапах и... жевала траву? У этого демона что, было не все в порядке с головой? Очень уж нетипичным для их расы было такое поведение, скажу я вам.

Еще более странным было то, что спустя секунду демон протяжно и со вкусом замычал.

Я мгновенно напрягся и собрал магию в ладони, чтобы стереть тварь с лица этой мирной и несомненно прекрасной земли.

— Подожди, это, кажется, корова, — остановил меня Круш, спрыгнул с моих плеч в траву и принялся. — Однозначно, это корова.

— А почему она с рогами? — не опуская рук и продолжая подозрительно смотреть на тварь, спросил я.

— Возможно, в этом мире демоны не установили монополию на рога, и их все еще носят животные.

Я медленно опустил руки и рассеял магию в воздухе. Это было странно и непривычно. С другой стороны, возможно,

это говорило о том, что демоны здесь не такие наглые и мощные, и мне не придется с ними воевать полвека, как это было в моем родном мире. Возможно, их здесь вовсе не было — что было бы совсем большой удачей.

— Хм, — сказал я.

Круш проводил ленивым взглядом мышь-полевку, которая шмыгнула в траву совсем рядом с ним, и посмотрел на меня укоризненно. Ну, сейчас начнется. Будет опять меня за что-то отчитывать.

— Дворец-то ты зачем обрушил? — спросил Круш.

Я закатил глаза. Может, надо было оставить его в Темной Империи вместе с оравой советников, которые тоже вечно спрашивали — зачем да почему я велел построить корабли флотилии для внутриимперского моря или возвести статую Круша в сотню человеческих ростов.

— Для морального удовлетворения.

Кот укоризненно покачал головой.

— Будь твоя воля — ты бы всю империю обрушил. Вредитель.

— Ну нет. У меня же родители на Пальмовых островах. Их бы точно задело цунами, если бы я утопил континент. Помнишь, как прошлый раз накрыло Северный архипелаг, когда мы погрузили под воду земли морских эльфов? А тут целый континент.

— И все равно, не было нужды замок портить.

Вот же ворчун.

— Этот Вселесогорск пришел в мой замок в грязных сапогах, говорил нехорошее про моих родителей. Я что, должен был это спустить?

— Это его оруженосец говорил, и ты его, кстати, из окна выкинул.

— Ну, оруженосец-то не сам к нему нанялся. Ответственность за наемников несет наниматель. Вот и понес! И вообще, он мне не понравился. А я как Темный Император имею полное право и даже обязанность уничтожать тех, кто мне не нравится. Иначе подданные не поймут.

— Но ты больше не Темный Император.

— На тот момент я еще был Темным Императором, а потому в полной мере исполнял свой долг. Хватит меня критиковать. Откуда в тебе вдруг взялось это странное сострадание к рыцарям?

— Да мне не рыцарей этих неотесанных жалко, а свою когтеточку пятиэтажную!

— Не переживай, в этом мире я тебе новую построю, — сказал я.

Круш замолчал. Я тоже замолчал и наконец как следует огляделся. Чистое поле, воздух свежий и пахнет цветами. Никаких пепелищ, дыма, орков и потных рыцарей. Куда ни глянь — красота и простор. Вдалеке пасся конь, в траве спал пастух, а на широком лугу бродило стадо упитанных коров — рогатых, но к этому, думаю, я быстро привыкну. Я вдруг как-то резко и остро осознал, что в самом деле обрел свобо-

ду от надоевшей Империи и еще более надоевшей должности Темного Императора.

Это наполнило меня чистейшим восторгом. Я запрокинул голову и злодейски расхохотался.

Стадо коров с испуганным мычанием шархнулось в разные и в панике принялось разбегаться, чуть не затоптав проснувшегося пастуха.

— Ты можешь иногда отключать свой злодейский смех? — Круш почесал ухо. Да, знаю, акустический эффект моего смеха просто потрясающий. Не зря я его тренировал столько десятилетий.

— Не могу. Радость я так выражаю.

— Можешь выражать ее простой улыбкой? Это в Темной Империи все привыкли, а здесь народ — и скотина — непуганые.

— Ладно, — вздохнул я и распорядился: — Тени, верните скот на место.

В конце концов, я прибыл сюда с благими намерениями. Я собирался ассимилироваться и жить мирно, а не повторять прежний утомительный путь Темного Императора.

Быть добрым было очень непривычно, но в этом было свое удовольствие!

Однако не успел я насладиться новыми ощущениями, как послышалась грязная ругань. К нам на коне скакал пастух, и судя по его перекошенному лицу, он пребывал в не самом радужном настроении. Что подтвердилось, когда он резко дер-

нул поводья, остановил коня и невежливо ткнул в мою сторону пальцем.

— Ты что, колдун проклятый? — заорал он, спрыгивая с седла и хватаясь за длинный кнут. — Зачем мое стадо разогнал?!

— Что он хочет? — спросил я у Круша, не сводя глаз с мужика.

— Подраться, может? — пожал плечами кот.

— На кулаках, что ли?

Пастух тем временем оказался совсем рядом и весьма недвусмысленно замахнулся кнутом.

— Я тебе покажу, как пугать скотину, злодей! Сейчас я из тебя весь дух вышибу!

Я не стал ждать продолжения. Шагнул вперед, ушел с линии удара и коротким жестким движением вбил кулак ему прямо в переносицу.

Тихо хрустнуло. Пастух ахнул, выронил кнут и схватился за лицо. Он попятился, споткнулся о собственный сапог и с приглушенной руганью рухнул на землю.

Я отряхнул руку. Я, конечно, предпочитал магию. Но раз уж здесь так принято... Следует уважать местные традиции. Тем более, что драться по-простолюдински я тоже умел — и одно время даже любил. Было в этом какое-то свое удовольствие.

В это время мои Тени в нематериализованном, лишь едва заметном виде, скользя по земле, начали гнать коров обрат-

но. Животные их чувствовали, паниковали и неслись вскачь. Но стадо и не думало остановиться там, где ему было положено это сделать. Достигнув едва поднявшегося на ноги пастуха, коровы в ужасе шарахнулись от него, снова едва не сбили с ног и в панике поскакали уже в совершенно другую сторону, поднимая позади себя густые клубы пыли.

Пастух, держась за разбитый нос, в ужасе уставился вслед убегающему стаду.

— Это ты хорошо вопрос решил, — скептически заметил Круш, разгоня лапой пыль перед мордой.

— Не придирайся. Я только учусь искусству мирной жизни, — огрызнулся я и строго посмотрел на Теней. — Вы где так животных загонять учились?

Тени жалобно заскулили и постарались слиться с травой и теньком от кустов. Ладно уж. У них тоже опыта мирной жизни не было. До меня они вообще в Бездне прозябали, что с них взять. Я повернулся к пастуху

— Могу пригнать обратно твоих демонических молочных животных, — благородно предложил я.

— Да ты, скотина!.. — взревел пастух и замахнулся на меня теперь уже кулаком. Я уклонился и снова ударил его в лицо. Он рухнул в траву и потерял сознание. — Какие неприглядные здесь местные жители, — покачал я головой и перешагнул через пастуха.

— А что ты хотел? Сам мечтал оказаться в глуши. Вот и получай теперь все прелести.

На это я ничего не ответил. Понимал, что Круш все еще сердится за утраченную по моей вине когтеточку и прочие атрибуты комфортной жизни. Ничего, успокойся. Он вообще у меня отходчивый.

Пока Круш ворчал себе под нос, мы отправились искать поселение по следам примятой травы, которую оставило стадо. И вскоре вышли на извилистую и пыльную проселочную дорогу. Глубокие колеи от колес на ней соседствовали с утоптанной серединой, где были видны свежие следы копыт и темные лепешки, подсыхающие на высоком летнем солнце.

— Жара невыносимая. Неси меня, — Круш вывалил язык и почти сразу, как мы вышли из тенистого подлеска, тяжело задышал.

— Иди своими лапами, — ответил я. — Тебе физкультура полезна.

Круш раздраженно дернул хвостом и снова что-то забубнил себе под кошачий нос, но я не стал ни прислушиваться, ни тем более отвечать. Вместо этого я наслаждался каждым шагом. Никто здесь не знает моего лица и моего прошлого. А потому можно не ждать покушения врагов, предательства союзников и претензий советников, которые с пеной у рта вопят о дефиците бюджета Темной Империи и необходимости урезать расходы на клонирование орков.

Красота.

Я широко улыбнулся. Впервые за многие десятилетия тирании и войн мне не нужно было никуда спешить.

— Далеко там еще? — вскоре занял кот. — Ты уверен, что мы идем в нужную сторону?

— Уверен. Скоро увидим признаки цивилизации.

Откуда-то же пришел тот пастух — и свежие следы коровьего пребывания явно вели по этой дороге и эту сторону.

Вскоре дорога пошла вверх. Мы поднялись на холм, и впереди показался город.

Глава 3. Чародельск

На граненом столбе у дороги было начертано название и какие-то цифры. Мой универсальный артефакт-переводчик сразу подсказал: город, куда привела меня дорога, назывался Чародельск. Судя по едва заметному мерцанию впереди, он был под защитой каких-то чар не то скрытности, не то еще чего. В любом случае, меня за врага эти чары не посчитали, и я спокойно миновал их марево. На границе стоял шлагбаум, а в полосатой будке спал караульный. Мы с Крушем не стали его будить, зачем человеку отдых портить. Тем более, что ничего особенного мы в город не вносили — за исключением Теней, пары личных вещей, горстки золота на мелкие расходы и каких-то пожитков моего фамильяра.

— Там только самое необходимое! — заявил Круш, когда я вновь спросил о содержимом его кулька.

— И что же, например? Что входит в твой базовый набор для выживания в чужих мирах? — поинтересовался я.

— Это личное, — отрезал кот.

Настаивать я не стал, хоть мне и было любопытно. Я, конечно, мог бы спросить у Теней, которые этот кулек сейчас несли сквозь свое теневое измерение, но не стал. Я уважал личные границы своего кота.

Чародельск оказался совсем небольшим уютным городишкой. Вдоль мощеной крупным неровным булыжником

дороги теснились одноэтажные — максимум двухэтажные — деревянные дома весьма очаровательной архитектуры с резными наличниками и узорчатыми ставнями на окнах и буйством цветов в палисадниках. На крышах крутились от ветра зачарованные флюгеры в виде петухов и кошек.

— Видел? Они поклоняются кошкам, — Круш от удовольствия распушил шерсть. Ему явно это льстило. В моем мире в виде флюгеров обязателен был герб Темной Империи — здесь же явно царили более свободные нравы.

— А еще — петухам, — заметил я.

— Ну, это уже явно какая-то ошибка.

Периодически флюгеры оживали, и петухи махали крыльями, а кошки выгибали спины. Одна такая плоская, выкованная из металла кошка в какой-то момент ожила слишком сильно, спрыгнула с крыши и весело рванула куда-то по переулку под крик хозяина:

— Куда опять?!

Похоже, нерадивый маг переборщил с чарами оживления. Зато чуть дальше по улице чары явно подвыдохлись, когда нам с Крушем на головы чуть не свалилась вывеска местного сапожника в форме деревянного сапога. Она раскололась надвое, испустила последнюю магию, и краски на ней поблекли. Тут же рядом вдруг сам собой загорелся волшебный уличный фонарь — и взорвался осколками. Ближайшая Тень метнулась и закрыла меня и двух проходящих мимо дам в длинных изящных платьях от града стекла — отчего

дамы ахнули. Я величественно им кивнул и продолжил путь.

— Ты не мог выбрать менее глухую глушь? — у Круша все еще был распушен хвост после пережитого — все же дома на него вывески каждый день не падали. Там он вообще редко передвигался пешком, а в основном ездил в личной карете с охраной.

На перекрестке я едва успел увернуться, когда мужик в рубахе махнул рукой, и из массивного колодца с узорчатым навесом само собой вылетело ведро воды, чуть не сшибло меня с ног и плюхнулось в его телегу, обрызгав мостовую рядом с Крушем. Круш возмущенно мяукнул, на секунду забыв о том, что он вообще-то умел говорить и даже имел пару ученых степеней в области темной магии, но мужик даже не посмотрел в нашу сторону.

Зато в отличие от спешившего по своим делам мужика, остальные прохожие пялились на нас, как на орков, которые заявили в приличный эльфийский город. Все они были одаренными в той или иной степени — за весь путь я не заметил ни одного немага. И тем не менее, наш вид чем-то вызывал у них немалое удивление.

Местные даже останавливались, чтобы проводить нас взглядами. Женщина с корзиной, из которой торчала разная зелень, так и застыла на месте. Прохожий в сюртуке свернул с тротуара, чтобы не столкнуться, и продолжил пялиться с безопасного расстояния. Я сперва подумал было, что это Те-ни без спроса материализовались и расхаживают позади нас

у всех на виду среди бела дня. Но нет — те скользили вдоль теней от деревьев с необычными белыми стволами в черную полосу и не думали высовываться.

Значит, дело было в Круше. Видимо, здесь таких упитанных котов не водилось, вот он и изумлял местных своим видом.

— На тебя все смотрят, — сказал я ему.

— Это не на меня, а на тебя все смотрят, — ответил Круш.

— Почему? — удивился я.

— Здесь мода другая. Твой костюм не вписывается, — объяснил кот. Он всегда очень быстро подмечал такие детали, в то время как я не обращал на них внимания и мыслил другими категориями. Я оглядел себя — роскошный черный костюм с вышивкой и плащом. Ну, да, несколько отличается от нарядов местных. — И магию приглуши — у тебя аура на весь квартал давит. Здесь так выпендриваться не принято. Глушь, одним словом, — с издевкой резюмировал кот.

* * *

"Трактирь Потапова" — было написано на вывеске над чардельским центром общественной жизни. Именно это мне и было нужно. Солнце уже начало садиться, и я должен был найти для нас с Крушем достойное место для ночлега — и ужина. Из окон большого деревянного двухэтажного дома доносились разговоры и смех, а с внутреннего двора — ржание лошадей.

— Ты уверен, что здесь ночевать будет лучше, чем на от-

крытом воздухе? — Круш нервно дернул хвостом, глядя на трактир.

— Я уверен, что здесь мыши тебя не покусают, — успокоил я его. После одного неприятного эпизода в одном из наших многочисленных походов Круш опасался ночевать в гостиницах.

— Это были хищные мыши-вампиры! — возмутился Круш, и его хвост задергался еще сильнее. Я спрятал улыбку. Кот все еще болезненно реагировал, когда я припоминал ему ту историю. — И они напали неожиданно! Толпой! То есть, стаей!

— Ты же слышал, что нам сказали — это лучшее заведение в городе. Не думай о мышах. Получай удовольствие.

Мы вошли внутрь в прокуренный полутемный зал. День клонился к вечеру, и людей внутри было много, они ели, пили и разговаривали — особенно громко и буйно трое мужчин в мундирах за одним из дальних столиков. Мы с Крушем сразу последовали к стойке, на которой стоял большой блестящий... что это?

Судя по тому, что трактирщик наливал оттуда чай — это была какая-то местная вариация чайника, но очень уж странная. Я даже примерно не мог себе представить, как это работало.

Пока я разглядывал пузатый чайник с носиком почему-то посередине конструкции, трактирщик разглядывал меня — и, похоже, не мог для себя понять, к какой категории посети-

телей меня определить. Я решил ему в этом помочь, поднял руку, и ответственная за мои расходы Тень тут же вложила в нее золотую монету. Поскольку Тень не материализовалась для вручения мне денег, со стороны все выглядело так, будто монета появилась в моих пальцах прямо из воздуха. Лишь на секунду пространство рядом с ними стало немного темнее — и вот фокус-покус, золото.

Взгляд трактирщика тут же стал куда более определенным, а на губах появилась улыбка.

— Лучшую комнату на двоих с отдельными кроватями, — сказал я. — И ужин.

Я всегда ношу с собой немного золота на непредвиденные нужды: подкупить там кого, заказать чье-то убийство или от души покутить. Точнее, это Тени носят его за меня — самому таскать на себе столько металла тяжеловато.

— Вы к нам на неделю-с, сударь? — спросил трактирщик, когда я небрежно бросил монету на стойку.

— Посмотрим, — туманно ответил я. Неделя постоя за один золотой? Здесь экономическая ситуация явно отличалась от той, к которой я привык. Интересно, с моим золотом на мелкие нужды сколь многое я могу купить в этом мире?

Хозяин взял монету и тут же удивленно принялся ее разглядывать. Ну конечно, и как я об этом не подумал? Чеканка монеты отличалась от местной. Я привык к тому, что по всей своей империи ввел один строгий стандарт монет. И не подумал о том, что где-то могло быть иначе.

— А кто будет второй? — наконец спросил хозяин, пряча монету после простого заклинания, которое подтвердило, что золото настоящее.

Я кивнул на Круша.

— Он.

— Я, — подтвердил Круш.

Хозяин не удивился говорящему коту. Маги и не такое видали. Но он заметно удивился, что кот потребовал для себя отдельное спальное место.

Тем не менее он учтиво предложил нам с Крушем занять свободный столик, один из тех, что предназначались для маленьких компаний, в отдалении от больших столов для групповых обедов.

— Золотая монета здесь — это очень много, — тихо подсказал Круш, запрыгивая на стул.

— Да я уже и сам догадался, — ответил я.

Едва мы успели расположиться, как трактирщик самолично принес нам ужин. Некий местный наваристый суп с кусками мяса, капусты и каких-то еще овощей, издающий аппетитный аромат, тарелку коричневой рассыпчатой крупы, которая была мне неизвестна, с крупным куском сливочного масла и толстый кусок серого хлеба с румяной корочкой. Ко всему этому шел дымящийся чай очень темного оттенка из того самого причудливого чайника — аромат был насыщенный, с дымком, и мне не терпелось поскорее попробовать местный вариант этого напитка. Чай я очень любил, особен-

но с печеньем. Однако дежурным десертов сегодня в трактире было не печенье, а запеченные яблоки с медом и орехами.

Для Круша была подана отварная белая рыба и миска сливок. Он придирчиво все обнюхал. Разве что только диагностический артефакт не достал, чтобы узнать о содержании ядов и дате изготовления.

— Приемлемо, — заключил он, опираясь на диагностику с помощью собственного нюха.

Я с предвкушением взял ложку. Давно я не пробовал такой простой еды...

Но оказалось, что трактирщик не просто так сегодня лично обслуживал наш столик.

— Позвольте-с полюбопытствовать, сударь, откуда вы к нам? — спросил он, не спеша уходить.

В этот момент в зале все будто притихли — даже троица в мундирах перестала о чем-то громко говорить, стуча кружками по столу. Мы с Крушем оказались под подозрительными взглядами почти всех посетителей трактира.

— Издалека, — туманно ответил я.

— А фамилия ваша как, сударь? — не унимался хозяин.

— Фамилия? Это что такое? — шепотом спросил я Круша.

— Это у них тут вместо прозвища, — тоже шепотом ответил кот. Круш обладал великолепным кошачьим слухом и удивительной способностью подмечать тысячи мелочей и делать из них правильные выводы. Вот и сейчас его наблюда-

тельность не дала сбой: я еще только привыкал к этому миру, а он уже успел собрать о информацию, когда просто немного напряг кошачий слух.

Я выпрямился.

— Я — Ксандримор Мудрейший Повелитель Теней! — гордо провозгласил я. Но Круш при моих словах шикнул, и я снова к нему наклонился под удивленными взглядами присутствующих. — Что опять? — шепотом спросил я.

— Фамилия должна быть в одно слово. И более абстрактная.

— Понял, — шепнул я и снова выпрямился. Как же сократить мой титул и одновременно сделать его более абстрактным? Я на секунду задумался. — Моя фамилия — Чернодум.

— А отчество?

Я снова уставился на Круша. У того, видимо, кончилось терпение мне что-то объяснять. Да и трактирщик косился на нас уже с откровенным подозрением.

— Просто скажи Иванович, и все, — сказал Круш. — Здесь это популярно.

— Иванович, — сказал я трактирщику.

— Ксандримор Иванович Чернодум, значит, — кивнул тот. — Что-то я никогда о вас не слышал.

— Это вам повезло, значит.

Я посмотрел на него суровым взглядом, и Тени тут же окружили мою фигуру едва уловимым ореолом внушитель-

ности. Трактирщик округлили глаза и отшатнулся.

— Приятного аппетита, господин Чернодум. Кушайте-с, пожалуйста, — проблеял он и поспешил спрятаться за своей стойкой.

То-то же.

Я наконец приступил к супу. Ах, пища богов. В меру кислый, в меру соленый, с мягким разваренным мясом, упругими овощами и сливочной ноткой сметаны. Великолепно! После целого дня, который вместил в себя битву, переезд и общение с местным контингентом — и это я не только про внезапно оказавшихся рогатыми коров говорю — горячий и великолепно приготовленный ужин был поистине роскошным наслаждением. Круш тоже не отставал, быстро расправляясь с рыбой — это он для вида всегда выделяется, а так ест все подряд. Грозные фиалки, например, с подоконников Темного Замка.

Но не успел я как следует расслабиться и приступить к долгожданному чаю и десерту, как мой ужин снова прервали. Над столом нависли три фигуры. Молодые люди в мундирах, слегка пошатываясь, явно хотели мне что-то сказать.

Глава 4. Дворяне

— Что это у вас за костюм, сударь? — тот "мундир", что стоял по центру, ткнул пальцем в сторону моего черного плаща с золотым шитьем и высоким воротом, который подчеркивал мой суровый взгляд.

— Вы, сударь, кто, бродячий актер? — добавил его пошашивающийся друг. Третий был слишком пьян для собственной реплики и вместо нее лишь икнул.

Я медленно отложил десертную вилку и встал, по старой привычке перебирая в уме варианты расправы над наглецами: испепелить на месте, испепелить с предварительными пытками, отправить на арену к ящерам-людоедам... На этом пункте я и споткнулся, вовремя вспомнив, что у меня больше нет арены с ящерами-людоедами, а сам я больше не Темный Император и вообще твердо решил сменить образ жизни.

Я теперь мирный человек, а мирные люди не убивают своих врагов со спецэффектами при каждом удобном случае. И я сдержался, чем очень гордился. Это был огромный шаг вперед в моей новой жизни.

— А что, вы свою цирковую труппу потеряли, господа? — спросил я с усмешкой, глядя на них сверху вниз — буквально, ведь я был их выше на полголовы. Они явно этого раньше не заметили, потому что центральный задира теперь

изо всех силы расправлял плечи и даже, кажется, пытался приподняться на цыпочках, чтобы оказаться одного со мной роста. Ха! Жалкий позер.

— Вы оскорбили честь дворян, сударь! — кажется, эти "дворяне" даже обрадовались, что я их оскорбил и дал повод для драки. — Мы требуем немедленных извинений!

И хотя я не знал, что значит "дворяне", эти парни явно считали себя очень важными. Тем не менее, извиняться я не привык. Это не соответствовало моей репутации — подданные бы не поняли и сразу бы перестали уважать.

— Я бы заметил, если бы оскорбил кого-то, у кого есть честь.

Я снова хотел рассмеяться своим любимым зловещим смехом, но осекся под предупреждающим взглядом Круша. Поэтому ограничился дьявольской улыбкой.

Мой насмешливый ответ лишь разозлил их еще сильнее. Тот парень, что икал, со второй попытки снял с руки перчатку и, видимо, хотел бросить в меня, но промахнулся, и она упала в суп посетителю за соседним столиком. Тот, однако, возмущаться не стал — похоже, эти трое и правда были здесь какими-то важными людьми. Или, скорее, детьми важных людей, судя по их глупому поведению и молодости лиц.

— Выйдем на улицу, — процедил центральный оскорбленный. — И там поговорим.

Я наклонился к Крушу, который спокойно допивал сливки и едва ли обращал внимания на наш диалог.

— Выходить зачем? — шепотом спросил я.

— Драться тут в помещениях не принято, — так же тихо ответил Круш, облизывая усы. — Дурной тон. И за испорченную мебель придется платить.

— Понятно, — кивнул я. Прагматичный тут народ. Надо бы взять на заметку эту хитрость — а то сколько хороших интерьеров было перепорчено в таких вот стычках.

Я эффектно взмахнул плащом и двинулся к дверям вслед за разгоряченной троицей.

Мы вышли на задний двор трактира, заставленный телегами. Из конюшни доносилось ржание лошадей, а конюх как раз набирал для них воду из колодца. При виде троицы и меня он поспешно схватил ведро и почти бегом скрылся в пристройке.

Я потер ладони, призывая силу. Рядом заklubились Тени, которые были готовы разорвать обидчиков на части, но пока даже не принимали материальный облик без моего приказа. Следом за нами вышел Круш, уселся на крыльцо и начал умываться, а в окнах я заметил любопытные лица посетителей трактира.

Итак, с чего бы начать?

— Помягче. Членовредительство в этом мире карается штрафом, а то и каторгой, — посоветовал Круш. — Особенно в отношении дворян.

Я цокнул языком. Ну что за мир такой сложный. Столько дурацких правил! И вот что мне с ними делать? Они-то явно

колдовать собрались, вон как силенки концентрируют.

— Сейчас мы научим вас вежливости, господин хороший!
— самоуверенно заявил центральный.

И как с такими без членовредительства? Но ладно, слушаю совета кота и буду действовать мягко.

Я перевел взгляд на стоптанную землю двора и щелкнул пальцами. Еще секунду назад твердая поверхность под ногами дворян мгновенно разжижилась, и троица с громким чавканьем ухнула вниз по пояс, а потом и по грудь.

— Что это?! — взвизгнул их главный и покраснел от натуги, пока пытался выбраться из липкой жидкой земли — отчего только погружался в нее еще глубже.

— Помогите! — заорал икающий, перестав икать и размахивая руками.

Они попытались выбраться с помощью магии, но безуспешно. Я позволял им немного вылезти, а потом заставлял землю засасывать их обратно. В итоге спустя пару минут они были по макушку в грязи, вымотались и принялись паниковать по-настоящему. В трактире послышался шум — посетители громко обсуждали представление, а трактирщик даже выскочил на крыльцо и остановился рядом с Крушем, не рискуя, однако, меня останавливать. Лишь выпустил высоко в воздух сноп ярких красных искр. Я, правда, не понял, зачем — неужели думал, что меня это впечатлит и напугает?

— Хватит! — молил один дворянин.

— Отпусти нас! — взывал второй.

— Ты хоть знаешь, с кем связался?! — угрожал третий, которого я тут же за такие слова окунул в жижу по макушку, но по совету Круша топить не стал, и тот тут же всплыл обратно, плюясь грязью.

Интересно, на что рассчитывали эти середнячки против меня, величайшего темного мага, подумал я. А потом вспомнил, что пару часов назад во время прогулки по городу спрятав свою истинную силу. Они, похоже, решили, что перед ними обычный бродяга или слабый чародей. Надо бы отрегулировать степень силы, которую стоит показывать окружающим. Чтобы одновременно не шокировать местных жителей и не ущемлять их самолюбие моей мощью, но чтобы и больше таких недоразумений не случалось. А не то только и придется тем заниматься, что доказывать всяким жалким личностям, что они ошиблись в своих оценках.

Я не стал откладывать и, не отвлекаясь на вопли своих противников, которых я великодушно не убил, начал усиливать внешний фон своей ауры.

— Послабее, — посоветовал Круш, который сразу понял, чем я занимаюсь.

— Так?

— Теперь слишком слабо. А теперь снова сильно. Вот так нормально. И убери молнии вокруг пальцев, это привлекает лишнее внимание и уже давно немодно.

Я убрал молнии и настроил фон на уровень опытного, но рядового мага. Дворяне между тем жалко орали, торча из

грязи. Мне же становилось скучно. Грязь — это, конечно, унижительно, но не зрелищно и не весело. И к тому же — грязно, а мне такое не нравилось, я любил чистоту и даже на заводах по клонированию орков требовал от всех соблюдения правил гигиены.

Я уж было собирался достать дворян и отправить по домам, когда от ворот послышался громкий свист в зачарованный свисток.

Так вот зачем трактирщик выпустил те искры — это был вызов стражи.

В этот момент двор вбежали местные представители правопорядка.

Глава 5. Полицмейстер

Их было двое. Очаровательная дама в строгом темно-зеленом платье с мундирным воротником и со строгой каштановой косой имела вовсе не очаровательный взгляд зеленых глаз — цепкий, подозрительный, сходу определяющий, по какой статье можно поскорее посадить тебя за решетку. Ее тонкий стан и красота могли стать предметом зависти любой придворной дамы, но это суровое выражение лица напоминало мне о начальнике моей дворцовой стражи, который поймал и повесил не одного заговорщика, а ее магическая сила явно превосходила таланты всех, кого мне до этого довелось встретить в Чарodelьске.

Она беглым взглядом оценила ситуацию, задержавшись и на грязевой луже с тремя дворянами, и на мне, и на трактирщике, и даже на Круше. Круш перестал умываться и насто-роженно наострил уши.

Следом за дамой с тяжелой одышкой во дворе появился ее помощник — слабый пожилой волшебник в потертом мундире.

Дама посмотрела на дворян и только еще не закатила глаза, в которых читалось отчетливое: "Опять вы". Но вслух ничего не сказала. Вместо этого повернулась ко мне, безошибочно определив источник неприятностей.

— Полицмейстер Чарodelьска Олеся Андреевна Злато-

устова, — четко и официально представилась она. — Что здесь происходит?

Ее помощник, которого она не посчитала нужным представить, вытер пот со лба тыльной стороной ладони и достал из кармана засаленный блокнот, готовый запротоколировать происшествие.

Я открыл рот, чтобы рассказать, как ловко я утопил троих наглецов, но Круш меня опередил.

— Да вот, господа провалились, — сказал кот. — А мой хозяин хотел помочь им выбраться.

Такая версия совсем не устроила пострадавших:

— Ложь! Он заколдовал нас!

— Это нападение!

— Я пожалуюсь отцу!

Олеся Андреевна даже не повернула голову в их сторону. Она смотрела только на меня.

— Вы их заколдовали? — спросила она.

Я уже было приосанился, чтобы все-таки рассказать, как мастерски и без жертв я победил этих троих неудачников, но меня снова опередил Круш:

— Нет, — сказал он с честными кошачьими глазами. Хм, а ведь и даже не соврал. Конкретно на этих троих не было наложено ни одного заклинания. Только на землю под их ногами.

Полицейстер прищурилась и пошевелила пальцами. Грязь начала поднимать дворян наверх и спустя секунду с

хлюпаньем выплюнула их на твердый участок двора. Те, шатаясь и отряхиваясь, поднялись на ноги. Их еще недавно нарядная одежда была покрыта слоем жижи, волосы слиплись, а в глазах была ярость и обещание мести, но вслух они ничего не говорили.

Олеся Андреевна кивнула, хоть слов благодарности и не было.

— Жалобу подавать будете, господин Толстошеев?

— Неофициальную — будем, — буркнул главный из троицы.

Как интересно. Почему неофициальную? Может, хотят избежать позора?

— Неофициальные — не принимаю, — с мстительной, как мне показалось, интонацией сказала полицмейстер.

— Тогда не будем.

— Тогда — хорошего вечера, господа!

Троица, бормоча проклятия, побрела прочь, оставляя за собой комья грязи. Полицмейстер снова перевела взгляд на меня.

— А вас, господин, я впервые вижу в Чарodelьске. Представьтесь, пожалуйста.

— Ксандримор Иванович Чернодум, — снова влез Круш.

— Предъявите документы, господин Чернодум, — не сводя с меня взгляда, потребовала Олеся Андреевна.

— А он их потерял, — вставил Круш.

— Как это — потерял?

— А вот так. По дороге где-то выпали. Мы как раз собирались вернуться и поискать, когда господа застряли в грязи, и мой хозяин из благородных порывов отправился их спасать.

Полицмейстер наконец взглянула на кота. Тот тут же сделал самое умильное лицо из тех лиц, от которых обычно визжали дети и все дамы в округе хотели потискать "лапочку".

Круш умел обаять дам.

Но не Олесю Андреевну.

— А вы, позвольте узнать, кто такой? — строго спросила она.

— А я Круш, — скромно сказал он, используя свое сокращенное и в какой-то степени милое прозвище. Хотя в замке всех заставлял обращаться к нему не иначе как "ваше сиятельство, достопочтимый Крушитель Сущего". Вот же пройдоха. — Я — секретарь Ксандримора Ивановича.

— Господин секретарь, довожу до вашего сведения, что находиться на территории Российской империи без документов — незаконно. Даю вашему господину сутки на то, чтобы найти пропавший паспорт, иначе буду вынуждена задержать его до выяснения личности.

Тем временем посетители трактира — даже постояльцы комнат на втором этаже — продолжали следить за представлением. Несколько человек даже высунулось из-за приоткрытой двери, толкаясь и наступая друг другу на ноги. Один из них случайно толкнул трактирщика, и тот едва не слетел с крыльца. И тут же попал под прицел строгих зеленых глаз.

— Вам, Потапов, есть что сказать? — спросила она, и тот как-то съежился. Похоже, вызовы в его трактир не были редкостью, и оба друг друга недолюбливали.

— Да поди из беглых декабристов он, ваше благородие. Глядите, какой подозрительный.

— Кто такие декабристы? — шепотом спросил я Круша, который тоже спустился с крыльца, чтобы его не затоптали зеваки.

— Это повстанцы местные, — так же тихо ответил кот. — Против императора выступали тут недавно.

А, бунтовщики, значит. Нет, ну это уже было обидно.

— Ничего я не декабрист! — возмутился я. Терпеть не могу бунтовщиков. Сколько они мне крови испортили, сколько нечисти моей, поднятой непосильным трудом, положили... — Я против всех этих незаконных движений!

Олеся Андреевна приподняла бровь и посмотрела на меня с новым интересом.

— Вы дворянин?

— Кто такой дворянин? — шепотом спросил я у Круша, наклоняясь к коту.

— Аристократ, — ответил он.

— Разумеется, — подтвердил я, выпрямляясь и гордо поднимая подбородок.

Полицмейстер достала из кармана мундира свою небольшую записную книжку, гораздо более опрятную, чем у помощника, и открыла ее.

— Что-то я вашу фамилию раньше не слышала. Вы что, иностранец?

— Он долгое время жил за границей, — снова вклинился Круш.

— В каком государстве? — она прищурилась, держа карандаш наготове.

Хм. Вопрос с подвохом! Я не успел разузнать, какие тут есть государства. Я даже о том, как называется это, вот только что узнал. Что, даже варианты не предложат?

Как назло, Круш тоже молчал. Похоже, не успел подслушать ни одного названия местных соседних стран.

— Я жил на востоке, — туманно сказал я.

В моей стране я любил восточные земли — особенно после того, как их завоевал. Какие там были сладости! Какие пряности! Какие удивительные рецепты изобретали восточные умельцы!

— В Османской Империи, что ли? — уточнила полицмейстер.

— Именно, — уверенно подтвердил я, в душе не ведая, что за страна такая, Османская Империя. Но звучало очень солидно.

— И надолго вы к нам?

Я оглядел двор. Завсегдатаи трактира все еще липли к окнам, трактирщик переминался чуть в стороне, старый помощник полицмейстера делал вид, что пишет протокол, но сам — мне было видно с высоты моего роста — рисовал ка-

рандашом на сероватой бумаге закорючки. Небо над головой было чистым, воздух — свежим, местный суп — вкусным, а местный чай... чай был просто шедевром среди ароматных напитков. Жаль, что я не успел его допить — это обязательно надо наверстать. И потом, я еще не попробовал местного печенья.

Я задержал взгляд на красивом лице Олеси Андреевны.

А что, мне здесь нравилось.

— Пожалуй, надолго! — решил я и улыбнулся.

— Прошу вас больше не нарушать общественный порядок, — отчеканила полицмейстер и захлопнула записную книжку. — Доброе пожаловать в Чародельск!

Но ее взгляд оставался подозрительным. Она развернулась и быстрым шагом направилась к выходу со двора, и подол ее форменного платья-мундира эффектно взметнулся в воздухе. Старый помощник поплелся за ней, важно спрятав записную книжку в карман.

Я усмехнулся. Она, конечно, делала вид, что не доверяет мне, но я-то видел. Эта дама была от меня просто без ума.

Глава 6. Печеные яблоки

Оставаться дальше во дворе было бессмысленно, к тому же меня ждал недопитый чай. Поэтому я прошел мимо трактирщика, который отшатнулся при моем приближении, и поднялся на крыльцо. Приоткрытая для подглядываний дверь тут же хлопнула, и из-за нее донесся топот и шум, будто внутри гарцевало небольшое стадо кабанов. Или с дюжину человек, которым разом срочно понадобилось оказаться за своими столами. Я ухмыльнулся и потянул дверь.

Так и было.

Трактир был образцом благочестивого заведения. Посетители сидели по местам кто над кружкой, кто над тарелкой с очень старательным равнодушием на лицах, а некоторые даже вели вполголоса неуклюжие разговоры. Я едва сдержал смех.

Мой стол оставался неубранным. Чай за время моего отсутствия, разумеется, остыл, да и яблоко выглядело заскучавшим — корочка скукожилась и уже не блестела от меда, а уныло тускнела под сиянием зачарованных светильников.

— Кажется, десерт устарел, — заметил я и сел за стол.

— И кто-то выпил мои сливки, — во всеуслышание громко сказал Круш.

Я не был уверен, что это не уловка — и что сливки быстро не выпил сам Круш, прежде чем догнать меня во дво-

ре, но предпочитал подыграть своему коту, даже если тот нагло врал.

— Любезный, — подозвал я разносчика. — Будь добр обновить наши блюда.

Тот с выпученными глазами часто закивал и быстро забрал остывший чай и яблоко — и пустое блюдо из-под сливок.

— Сей момент. Все сделаем.

В зале по-прежнему было тихо. Все сидели, как примерные ученики на экзамене по некромантии, и украдкой поглядывали на меня. Я огляделся, поймал несколько взглядов — и любопытные немедленно уставились в тарелки.

— Где бы нам добыть документы, Круш? — негромко спросил я кота.

— Я уже работаю над этим, — важно ответил тот.

— И каким это образом ты над этим работаешь? — уточнил я, потому что со стороны выглядело так, будто он просто сидел на стуле и чесал ухо.

— Умственным, — отрезал кот.

Через несколько минут передо мной появилась новая чашка с дымящимся чаем, налитым из причудливого пузатого чайника, и новая тарелка с печеным яблоком. Чай здесь отличался от того, к которому я привык в своем мире — был крепче, ядреней, пах дымком, а во рту оставлял приятную терпкую горечь. Я с первого глотка высоко оценил этот напиток.

Вскоре разносчик вернулся с новым блюдом сливок для Круша — в этот раз вдвое больше прежнего.

— За счет заведения, — сказал он коту. — С нашим уважением.

Круш довольно зажмурился. То ли потому, что теперь мог напиться сливками до одурения, то ли потому, что его жульничество сработало.

— Тебе плохо не будет? — поинтересовался я.

— Не завидуй, — Круш лапой подвинул к себе блюдо. — Пей свой горький отвар из листьев.

Что ж, пока Круш вопреки всем законам кошачьей анатомии и наверняка с применением темной магии заливал в себя сливок больше, чем могло в него вместиться, я без особых ожиданий приступил к яблоку. И оказался прав — ожидать было нечего. Яблоко пропеклось не до конца, серединка была твердой и кисловатой. Меда пожалели, и он скорее обозначал свое присутствие, чем действительно присутствовал. Орехов тоже было ровно столько, чтобы сказать "есть орехи" и не слишком при этом соврать.

Если бы я сам готовил этот десерт, я вынул бы сердцевину и щедро наполнил яблоко темным медом, чтобы он пропитал мякоть, а орехи предварительно обжарил и измельчил ножом. И обязательно бы добавил кусочек сливочного масла, прежде чем отправить томиться в печи. Вот тогда это было бы десертом, а не набором бездарно загубленных ингредиентов.

Зато чай я допил с удовольствием. Чай был что надо.

Пора было и отдохнуть. Мы с Крушем встали из-за стола — тот с тяжелым кряхтением — так что пришлось взять его на руки, — и в по-прежнему напряженной атмосфере трактира поднялись на второй этаж, где нам выделили номер с двумя кроватями.

Он оказался весьма скромным, но приемлемым для временного ночлега. Две узкие кровати были застелены выцветшими покрывалами, возле примитивного зачарованного умывальника висело потускневшее от времени зеркало, а возле узкого стола стоял непрочного вида стул. Еще был шкаф — в котором мне пока нечего было хранить, кроме Теней, и потому я лишь проверил его на наличие потайных дверей и спрятанных внутри убийц. Ничего не обнаружил. Приемлемо. Ничего общего с моими прежними императорскими покаями, но бывало, что в военных походах мы с Крушем ночевали и в более скромной обстановке. Во всяком случае, здесь ничто не предвещало нападения эльфов или мышей-вампиров, и это было несомненным плюсом.

Лишь когда я закрыл за собой дверь, на первом этаже все, как сговорившись, начали громко обсуждать происшествие — и меня. Я провел пальцем по косякам, дверь засветилась и погасла. Теперь никто не мог войти без моего разрешения. — Тени, охраняйте, — приказал я.

Из углов комнаты, из-под кровати и из складок одеяла выползли мои верные помощницы, высокие черные фигуры без

лиц — и тут же растворились, заняв позиции у двери и окон.

Я опустил Круша на пол, повесил плащ на крючок и плюхнулся на кровать. Пружины противно заскрипели, матрас оказался жестким, подушка — плоской, а одеяло — тяжелым. Это было идеально. Не позволяло забыть, что я больше нахожусь не в комфорте Темной Спальни Темного Замка — а в новом мире и в новой жизни. Какое удовольствие!

— Ты отдыхай, а я пойду искать твои документы, — сказал Круш.

— Как ты собираешься их искать, если мы их не теряли? — спросил я.

— Традиционным способом.

— Не укради ничего лишнего, — пробормотал я. Глаза нещадно слипались. Все-таки перемещение в другой мир и колдовство на свежем воздухе немного меня вымотали. Поэтому после сытного ужина самое время было поспать и восстановить силы.

— Я никогда не краду лишнее, — оскорбленно фыркнул он и выскользнул за дверь, которую тихо прикрыли за ним Тени.

Я мгновенно уснул.

* * *

Олеся Андреевна Златоустова вошла в свой кабинет и бросила блокнот с заметками на стол рядом с кипой жалоб. Та слегка шевелилась и вразнобой нашептывала разное — волшебники часто писали свои обращения полицмейстеру в

очень эмоциональном состоянии, и бумага впитывала их магические всплески.

Но сейчас ее мало волновали жалобы приезжих купцов на то, что конкуренты сняли с их товаров чары долгого хранения, или местных жителей на поваленный соседями забор и придавленную этим самым забором курицу, которая от пережитого страха перестала нестись. Все ее мысли занимал странный приезжий, который, с какой стороны ни посмотри, выбивался из привычного порядка вещей. Да еще и колдовал так, как будто разрушительные чары топкой земли для него были обычным делом, а не программой пятого курса столичной академии магов, которую пять лет назад закончила Олеся Андреевна.

— Странный тип, — произнесла она вслух, хотя в комнате никого не было.

Чернодум был слишком высок, слишком черноволос, но при этом слишком бледен — для выходца из Османской Империи. Он был слишком эффектен, слишком... да все в нем было слишком! Чернодум явно выглядел моложе своего настоящего возраста и, похоже, и правда прибыл откуда-то издалека. Он вел себя так, будто весь мир принадлежал ему лично. Одежда была сшита не по местной и даже не по столичной моде, говор был слишком правильным и явно выдавал использование дорогого артефакта-переводчика. Но главным была сильная аура и пугающе величественный темный силуэт вокруг его фигуры, от которого по коже шли му-

рашки. А еще он совершенно не боялся ни местных хулиганов, ни представителей порядка.

Князя Толстошеева и его подпевал, которые уже который месяц безнаказанно третировали весь Чарodelьск, Чернодум поставил на место по щелчку пальцев. А ведь с ними все боялись связываться из-за влиятельных родителей в столице, которые смогли замять некую нехорошую историю с участием отпрысков в недавних волнениях и даже, по слухам, связями с декабристами — и выслали детей сюда, в Чарodelьск, переждать бурю. Им нельзя было высовываться и попадать в полицейские рапорты, за чем пристально следил городничий — и с чем была категорически не согласна Олеся Андреевна, но поделаться ничего с этим не могла. Как и никто другой из горожан.

И вот, появляется этот Чернодум и легким движением руки окунает князя и его друзей в грязь по самую макушку...

Ее мысли прервал негромкий стук в дверь. Это был городской Калинин, с которым она сегодня была на вызове к трактиру.

— Как пить дать этот Чернодум — декабрист. Я тебе говорю, — сказал Калинин, как будто продолжал прерванный разговор.

— С чего ты взял? — спросила Олеся Андреевна.

— Взгляд у него... декабристовый.

— Это как?

— Хитровыдуманный. Образованный больно. И манеры

такие, будто он привык командовать. Дворянские!

Олеся Андреевна покачала.

— Ладно. Выясним. Все выясним...

Она села за письменный стол, достала чистый лист бумаги и обмакнула перо в чернильницу. А начнет она с официального запроса в Константинополь.

Глава 7. Новый день

Я проснулся посреди ночи от скрипа пера. Тени меня не разбудили, значит, никто посторонний в комнату не проник — однако проник не посторонний. Вернулся Круш, да не с пустыми руками. Так я и думал.

Кот сидел на столе рядом с едва теплющейся лампой с волшебным светлячком внутри и сосредоточенно тер какой-то тряпицей пожелтевший лист бумаги, периодически обмакивая ее в вонючий раствор неизвестного происхождения. Он даже высунул кончик языка от усердия. Рядом стояли баночки с красками, лежали тонкие кисти и лупа.

— Ты вернулся.

Я широко зевнул и сел. На улице стояла глубокая ночь. За окном где-то во дворах лаяла собака, а по дороге с тихим поскрипыванием ехала чья-то поздняя телега.

— Тсс, — шикнул он. — Я "нахожу" твой паспорт.

— Да? — удивился я, подошел ближе и посмотрел через его плечо. — А по-моему, ты "теряешь" чей-то чужой.

На чьем-то старом паспорте после манипуляций Круша медленно исчезали чернильные надписи. Бумага становилась чистой, будто и не было на ней никаких сведений о некоем Сидоркине Прохоре Ивановиче.

— Это разные этапы одного процесса.

— Откуда у тебя вообще чей-то паспорт? — спросил я.

Нежели сейчас некий неудачливый Сидоркин ищет свои документы? Или хуже — не ищет и никогда уже не станет искать?

— Скажем так: в управе ленятся своевременно уничтожать документы умерших волшебников.

Он подул на бумагу, вложив в дыхание немного иссушающих чар, затем взял в лапу тонкую кисть, обмакнул в черную краску и начал писать на очищенном бланке. Каждая буква ложилась идеально ровно, с нужным наклоном и толщиной, и повторяло почерк предыдущего писаря, чьи труды Круш мастерски свел.

Имя: Ксандримор. Отчество: Иванович. Фамилия: Чернотум. Дату рождения он придумал сам, сделав меня совсем молодым по сравнению с моим настоящим возрастом, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Печать, к счастью, подделывать не пришлось — бланк был с уже готовой магической отметкой. Проверь ее любой чиновник — и не возникнет никаких подозрений в подлинности.

— А портрет? — уточнил я. Потому что должен был обязательно проследить, чтобы Круш не изобразил меня недостаточно. С усами, например. Или недостаточно широкими плечами.

— Здесь документы без портретов.

Вместо портрета в паспорте было только описание: "Рост 2 аршина 11 вершков, волосы и брови темные, глаза темные,

рот и нос умеренные, лицо чистое. Магическая аура: сильная. Особые приметы: смех".

Ну вот что это за описание? Сухое и не отображающее всего моего величия. На месте Круша я бы добавил пару эпитетов и достижений, но получил на это только "не положено".

Круш отложил кисть, подул на свежие чернила и взял лупу. Внимательно осмотрел каждую букву.

— Готово, — сказал он наконец.

Я взял паспорт. Магическая печать в углу излучала слабую магию, никаких следов постороннего магического вмешательства на документе не было. Идеальная подделка. Сам бы не сделал лучше. Фальсификация документов была одним из моих любимых хобби в юности, и кот перенял это умение с поразительной легкостью.

— Спасибо, — сказал я.

Круш запрыгнул на свою кровать. Он всегда ночевал на отдельной кровати — а при самом лучшем раскладе в отдельной комнате. Потому что, во-первых, это было статусно. А во-вторых, он занимал слишком много места, линял и ужасно храпел. Так себе сосед.

— С тебя — лучшие рыбы этого мира. Жирные. Свежие... — последние слова он произнес уже в полусне.

— Только если не будешь храпеть.

— Вообще-то это ты постоянно храпишь. Коты — не храпят. Это человеческий изъян, — он широко зевнул и уже через секунду крепко спал, распушившись поперек покрывала.

Я усмехнулся. Изначально Круш должен был стать образцовым злодейским котом: черным, гладкошерстным, с вытянутой злодейской мордой и острыми ушами. Дьявольски дьявольская порода, как говорили заводчики. Но мне обманом продали дворового найденыша с совершенно обычной мордой кошачьего лица. Круглые глаза, короткий нос, самые обычные уши. Никакой злодейской элегантности.

К тому же Круш с наступлением зрелости безбожно располнел. Правда, сам он утверждал, что это у него шерсть пушистая и речи о лишнем весе не идет. Но я-то чувствовал на себе весь его "пушистый вес", пока переносил из зала в зал своего Темного замка. Потому что пешком ему ходить было лень, к тому же он мог уснуть где-нибудь по дороге, а мне мой помощник нужен был рядом постоянно.

Я спрятал свой новоявленный паспорт в карман камзола и растянулся на соседней кровати.

Через минуту Круш конечно же громогласно захрапел — даже Тени встрепенулись.

Я покачал головой и закрыл глаза.

Все это было мелочами.

Как же было сладко спать в новом мире и в новой жизни!

* * *

Проснулся я на рассвете. Низкое утреннее солнце светило прямо в окна, отчего Тени тихо стонали — они не любили ходить в материальном виде под солнцем. Я тут же махнул рукой, снимая караул, и они с воем сотен страдающих душ

Бездны втянулись в углы и прохладу под шкафом.

Круш уже проснулся и теперь умывался.

— Ты храпел, — тут же обвинил он меня.

Это было совершенно возмутительное обвинение — ведь его храп будил меня посреди ночи минимум дважды. А вот за собой я ничего такого совершенно не замечал

— Неправда, это ты храпел! — заявил я. — А еще чихал!

— Я — чихал? С чего бы мне чихать, да еще и во сне?

— Откуда я знаю? Может, подхватил какой-то местный кошачий грипп, пока бродил вчера ночью по городу?

Круш на секунду вздыбил шерсть, всерьез испугавшись такой перспективы. Но затем прищурил глаза.

— Не носи чепухи. У меня иммунитет, как у снежного дракона. Я ем витамины.

Я уставился на кота.

— Если ты про грозовые фиалки с подоконников тронного зала — то это не витамины, — сказал я. Но вовремя остановился. Иногда Круша было не переспорить, а это было не тем, чем бы я хотел заняться в первое утро своей новой жизни. Хм... Кстати об этом. А чем бы я хотел заняться? — Что будем делать? — спросил я Круша уже более спокойным тоном.

Кот тоже сменил свой боевой настрой на мирный и посмотрел на меня круглыми желтыми глазами.

— А что обычно делают по утрам? — спросил он и сам же ответил: — Завтракают!

— Я спрашиваю, чем мы будем заниматься в этом мире. Круш недоуменно дернул ухом.

— Ну, я предполагал, что ты захватишь этот город. Потом соседние. Потом всю страну. Классический план.

— Нет, — покачал я головой, натягивая сапоги. — Этого я точно не хочу делать.

— Не хочешь захватывать страну? — удивился кот. — А чем ты тогда хочешь заниматься?

Я зашнуровал сапоги и выпрямился.

— В том и вопрос.

Чем я буду заниматься? Единственное, что я наверняка умел делать хорошо — это захватывать мир и править им. Но это опять столько возни! Интриги, заговоры, сбор армии, поднятие нечисти и клепание орков. Я никогда этого особо не любил и именно от этого и бежал из родного мира. И снова этим заниматься мне не хотелось.

— Может, откроем школу темной магии? — предложил Круш. — Будем обучать юных дарований искусству разрушения.

— Нет, — покачал я головой. — Слишком много бумажной работы со всеми этими лицензиями, разрешениями, проверками... И потом, там будут дети.

А дети — существа сложные, шумные и иррациональные. И вдобавок плохо поддаются контролю. Я к такому не привык.

— Тогда откроем агентство по заказным убийствам, —

продолжил кот. — Это всегда востребовано.

— И очень скучно. Мне нужно что-то, что будет приносить радость.

— Радость? — приподнял бровь Круш.

— Именно, — кивнул я.

Круш замолчал и внимательно посмотрел на меня.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил он.

Хороший вопрос. Я не знал, чего хочу сейчас — но хорошо помнил, о чем мечтал в детстве. Я мечтал делать сладости! Торты, пирожные, эклеры, конфеты. Все эти вкусные штуки, которые радуют других людей.

Родители говорили, что это несерьезно, и что настоящий мужчина должен заниматься более важными вещами, например, войной, политикой или управлением государством. Поэтому в детстве я тайком запирался в кладовой родительского поместья и смешивал муку с медом, пытаясь сделать что-то похожее на торт. Родителям, конечно, о моих экспериментах докладывали слуги, и они ругались, но я продолжал печь, несмотря на запреты, и запах ванили успокаивал меня лучше любых зелий от детской тревожности.

— Я хочу открыть кондитерскую, — сказал я.

Круш замер с открытым ртом.

— Чего? — переспросил он.

— Буду печь торты, пирожные, печенье, — от каждого слова в груди у меня теплело. — Продавать их местным жителям и делать их счастливыми.

— Ты что, серьезно?

— Еще как, — кивнул я. — Я наконец смогу исполнить свою детскую мечту! — Я встал с кровати и с энтузиазмом начал ходить по комнате в одном сапоге. — Мы будем печь лучшие торты в этом городе. Люди будут стоять в очереди за нашими пирожными. Они будут писать нам благодарственные письма. Они будут называть нас гениями кулинарии!

— Может, все-таки просто поработим мир? — с надеждой спросил Круш.

— Работить мир — это неинтересно, — отмахнулся я.

— Но это то, чем ты занимался всю жизнь — строил Империю, повелевал армиями нечисти, а не... тестом, — скептически сказал Круш.

— Повелевать тестом гораздо лучше. Сам посуди: тесто внезапно не восстанет против тебя и не начнет строить заговоры. Оно просто будет ждать, когда ты его замесишь и испечешь. Самое плохое, что оно может сделать — скиснуть.

Круш пошевелил усами, обдумывая мои аргументы.

— А сливки для своей кондитерской ты покупать будешь? — спросил он.

— Конечно. Как же без сливок? Без них не выйдет крем для профитролей и эклеров, — я уже мысленно составлял меню сладостей. Муссы. Суфле. Бисквиты!

— Ладно, — сказал Круш, как будто это он, а не я, сейчас принимал судьбоносное решение всей жизни. — Ты меня убедил — давай откроем кондитерскую. С чего начнем?

Я подошел к окну с мутным стеклом и выглянул на улицу. Несмотря на ранний час, Чародельск уже проснулся. По дороге ехали повозки, спешили по своим делам прохожие, из труб валил дым. Скоро в этом городе появится моя кондитерская — и станет лучшей.

— Начнем с поиска помещения, — сказал я.

— А завтрак? — спросил Круш.

— Позавтракаем по дороге, — я стремительно подошел к двери, но меня остановила ближайшая Тень, тыча в меня вторым сапогом, про который я забыл. Я наспех натянул его и зашнуровал. — У нас впереди большой день. Мы открываем кондитерскую!

Глава 8. Костюмчик

Несмотря на ранний час, Чародельск уже был наполнен деловой суетой. Открывались лавки, распахивались ставни, рабочий люд тащил куда-то корзины и ящики и здоровался друг с другом через дорогу.

Круш, конечно, глубоко недоумевал, чем мог помешать моему плану плотный завтрак, но я просто не сумел бы усидеть на месте, зная, что за углом уже ждет моя мечта. К тому же Круш, который, оказывается, не наелся за ужином, собиравшись заказать на завтрак не меньше трех блюд, и это могло растянуться на целый час.

Поэтому сейчас, едва солнце начало золотить улицы, мы уже бодро шагали и присматривались, пытаюсь понять, что здесь к чему и где именно будет лучше всего открыть лучшую в Чародельске кондитерскую.

— Хорошо здесь, Круш! — заявил я, когда мы прошли с пяток кварталов по центральной мощеной булыжником улице.

Я не ожидал, что Чародельск понравится мне так быстро. Обычно новые места нравятся мне позже — когда осмотришься, привыкнешь, завоюешь и присоедилишь к своей Империи. Но этот город сразу располагал к себе. Он был простым, приятным и открытым.

— Не могу разделить твоего энтузиазма на голодный же-

лудок, — проворчал Круш, брезгливо обходя следы пребывания лошадей на дороге.

— Подожди, сейчас чем-нибудь перекусим, — успокоил я его.

И тут же учуял сдобный запах — даже раньше, чем увидел коробейника, который стоял на углу с лотком на ремне через шею и задорно кричал:

— Пирожки горячие, с творогом, налетай, не студи душу!

Я достал из кармана пригоршню серебряной и медной мелочи, на которую разменял золотую монету у трактирщика сегодня перед выходом.

— Почему? — спросил я.

— Две копейки штука, барин, свежие, с пылу с жару.

В последнем, конечно, были некоторые сомнения — лоток коробейника явно подогревался магией, но Круш уже изображал голодное предобморочное состояние, и еще квартал-другой, заставил бы тащить его на себе.

— Два для меня и один — для кота, — я отсчитал монеты и протянул их коробейнику.

Коробейник посмотрел на кота. Кот посмотрел на коробейника.

— Для кота? — уточнил коробейник.

— Для меня, — подтвердил кот.

Тот пожал плечами и положил пирожки в отдельные бумажные кульки.

Мы отошли к стене внушительного дома, из дверей кото-

рого туда и обратно сновали люди в такой же форме, что была вчера на помощнике очаровательной дамы-полицмейстера. Я мимолетно подумал, на рабочем ли она месте, и стоит ли к ней зайти поздороваться — тем более, теперь у меня были документы, — но тут же об этом забыл, когда откусил от первого горячего пирожка. Тот действительно был сегодняшним — в этом я разбирался — но это было его единственным достоинством. Тесто кислило, а творог внутри был суховат. Он годился для того, чтобы утолить голод, но на этом все.

Круш тоже невысоко оценил таланты местных мастеров.

— В последний раз я соглашаюсь на сомнительную уличную еду, — сказал он, сидя рядом на скамейке и расправляясь со своим пирожком. Творог крошился на землю, и рядом с лавкой уже начали сновать мелкие коричневые и более крупные серые птицы. Людей, надо сказать, они почти не боялись, хотя явно не были домашними.

— Еще скажи, ты не наелся.

— Не наелся, — Круш облизнул усы и пренебрежительно стряхнул со скамейки корочку от пирожка птицам.

— Можешь поохотиться, — я кивнул на птиц.

Круш возмущенно выпучил глаза.

— Я по-твоему что, какой-то варвар?!

Я тоже бросил сухую корочку, где уже кончилась начинка, вниз, и ее тут же схватила коричневая пташка, которая была едва больше нее, и стремительно улетела прочь.

— Зато вот что я понял. Здесь понятия не имеют о хороших десертах и хороших пирогах. Я нужен этому городу.

Просто он еще об этом не знает.

Мы пошли дальше. Как я и боялся, на центральной улице свободных домов, где я мог бы открыть кондитерскую, не было.

— Дом всегда можно освободить, — философски сказал Круш. — Главное — не попасться.

— Сначала поищем еще, — сказал я. Я не хотел начинать путь к мечте с ненужного насилия. Я же теперь добрый. Насилие применяю только по необходимости. Это мой новый жизненный принцип!

Воодушевившись этими мыслями, я свернул на соседнюю улицу, чтобы продолжить поиск свободного дома — но наткнулся на нечто другое.

"Швейная лавка Кузьминых", — гласила вывеска, а в витрине виднелись мужской костюм и женское платье. Из дверей лавки в этот момент выпорхнули две милые дамы со свертками в руках. При виде меня они на секунду замерли, а потом быстро перебежали на другую сторону дороги и о чем-то зашептались, поглядывая в мою сторону.

— Про тебя говорят, — сказал Круш, на миг наострив уши и с помощью легких чар острого слуха уловив разговор дам.

— Плохое или хорошее? — уточнил я и толкнул дверь швейной лавки. Пора было сменить костюм — если ассими-

лироваться, так по полной.

— Странное, — сказал Круш.

Я хмыкнул. За столько лет тирании я привык к слухам — в основном плохим, пугающим и даже скандальным — что было враньем, конечно. Я не любил скандалы и быстро решал их самыми простыми способами. Казнями, в основном.

Над головой зазвенел колокольчик. Ух, какая прелесть. Надо будет в своей будущей кондитерской такой же повесить. И оповещает звонко, и звонит приятно. Тени только вздрагивают — но не так сильно, как от настоящего колокольного звона. Привыкнул.

Из-за высокой стойки с рулонами ткани выглянул полный мужчина в жилете с золотыми пуговицами и с цепочкой часов, которая свисала с кармана. Он сразу удивленно уставился на мой плащ, но быстро опомнился и спросил:

— Чем могу служить, сударь?

— Мне нужна одежда по вашей местной моде, — сказал я.

Портной внимательно меня оглядел с головы до ног, кивнул и исчез за плотной бархатной шторой в глубине лавки. Вскоре он вынес несколько заготовок разных элементов одежды: узкие брюки, длинный сюртук с высоким воротником, жилет с вышивкой, рубашку, шейный платок...

Я прошел за ширму и начал все это примерять, а после того, как надел слишком свободную одежду, портной принялся ее увлеченно подгонять магией по моей фигуре прямо на мне.

— Не шевелитесь. Не крутитесь! — командовал он, когда я то и дело пытался сам что-то поправить или посмотреть в зеркало.

Смотрелся костюм на мне, надо сказать, превосходно. Ничуть не хуже моего парадного императорского наряда, который мне в этом мире больше не пригодится.

— Радуешься, как ребенок, — заметил Круш, когда я вышел из-за ширмы и оглядел себя в большое зеркало в полный рост.

— Теперь я сойду за местного! — заявил я. Портной на меня странно посмотрел, но лишь сказал:

— Отлично сидит, сударь. Совсем другой человек!

— Все равно ты на местного ни капли не похож, — фыркнул кот, который все еще не простил мне завтрака всего лишь из одного пирожка.

— Могу и вам, господин кот, что-нибудь предложить, — вежливо откликнулся портной, заворачивая в бумагу мой старый костюм.

— Что, например? — спросил Круш. — Кошачьи панталоны?

— Бант на шею, например, — ничуть не смутился портной. Похоже, он привык к вредным клиентам. — Шелковый.

— Шелковые — не ношу, — отрезал Круш.

Я подошел к стойке, и Тень вручила мне золотые для расчета. Портной, как и трактирщик, тоже их долго разглядывал, прежде чем принять. Надо было поскорее решить этот

вопрос. Пока вопросов не возникло у официальных лиц.

Но как и трактирщик, портной применил чары распознавания металлов и все же принял оплату. А когда полез в ящик под прилавком за сдачей, я подмигнул Крушу. Тот мгновенно все понял, быстро запрыгнул на подоконник и громко закричал:

— Смотри-ка! Дракон!

Портный подскочил и вытянул шею, глядя в окно.

— Кто?

— А, показалось, — лениво протянул Круши и спрыгнул с подоконника. — Это была лошадь. Надо же, как похожа на дракона.

Пока портный смотрел в окно, я быстро протянул руку к ящику и незаметно вытащил одну из местных золотых монет. Портный отвернулся от окна и отсчитал мне сдачу серебром и медью. Тени тихо зашипели, когда я взял в руки серебряные монеты, но успокоились, когда они исчезли в портмоне — как здесь называли кошелек, который мне было предложено купить в довесок к костюму.

— Спасибо, — сказал я. — Всего доброго.

Я вышел из лавки и немного ослабил тугой шейный платок, который мне помог завязать портной. Круш дернул хвостом туда и обратно.

— Ты в следующий раз предупреждай заранее о своих авантюрах, — высказал он мне. — А если бы я тебя не понял?

— Ты бы — да не понял? И потом, это была необходимость, а не авантюра.

— И все равно. Меня не так воспитывали, чтобы воровством средь бела дня заниматься.

Конечно, ночью-то воровать — это другое.

— Не ворчи, Круш. Мы же не всю кассу забрали, а так, образец позаимствовали. Потом вернем.

Мы немного отошли от швейной лавки и свернули в переулок. Там я бросил сверток со своим парадным императорским костюмом на землю и без малейших колебаний его испепелил.

* * *

Елена Константиновна Березина, баронесса двадцати трех лет от роду, обладательница пышных кудрей и столь же пышной души была близка к обмороку от пережитого пять минут назад потрясения.

Потрясение носило пока неизвестное ей имя, но зато обладало ростом на полголовы выше любого мужчины Чародейска, черным как ночь взглядом и эффектно ниспадающим складками плащом. При виде него сердце Елены Константиновны сделало кульбит и часто-часто застучало.

— Барышня, да вы бледны! — всполошилась Марфа, таща в руках свертки с новыми платьями. — Никак опять голова закружилась?

— Тише, Марфа, тише, — прошептала баронесса, глядя на двери швейной лавки, возле которой темный взгляд

незнакомца на одно упоительное мгновение скрестился с ее собственным. — Это ОН.

— Что, тот самый? — тоже чуть тише спросила Марфа.
— Который спас вас вчера от фонаря?

— Да, — выдохнула баронесса, чувствуя, как щеки начинают пылать.

Она тут в красках вспомнила, как вчера после обеда шла по улице, задумавшись о судьбе несчастных героев из новой главы "Евгения Онегина", как вдруг совсем рядом что-то страшно взорвалось и прямо на нее посыпались осколки. И как из ниоткуда к ней метнулось нечто темное и стремительное и закрыло собой от смертоносных лезвий стекла!

Тогда все произошло слишком быстро, чтобы толком разглядеть спасителя. Но сейчас у швейной лавки они повстречались вновь! Судьба ли это? Или загадочный незнакомец намеренно оказался здесь ровно в тот момент, когда сюда пришла она?

Как он был высок! Как статен и благороден! До чего мужественным был его профиль!

— Понятно, — сказала Марфа глубокомысленно, хотя, конечно, ничего не поняла. Да и куда ей! — И что же вы бледнеете?

— Марфа, — баронесса схватила служанку за руку и понизила голос. — Он на меня посмотрел.

— Ну посмотрел, — пожала плечами Марфа. — На меня он тоже посмотрел. А его кот еще и обнюхал. Почуял, стер-

вещ, что я поутру рыбу для ухи чистила!

— Нет, ты не понимаешь! — Елена Константиновна прижала свободную руку к груди, где бешено колотилось сердце. — На тебя он просто посмотрел, потому что ты — моя служанка. А на меня он посмотрел... ох... с чувствами!

— Да будет вам, барышня...

— Марфа, ты что, совсем ничего не понимаешь?! Вчера он меня спас от смерти, а сегодня появился вновь будто бы случайно у той же самой швейной лавки, где я одеваюсь! Да разве бывают такие совпадения?

— Обыкновенно бывают, — заметила Марфа. — Лавка-то одна на весь город.

Баронесса ее не слушала. Она все видела своими глазами. Незнакомец был покорен ею. И отныне, не в силах совладать с чувствами, станет искать встречи с ней на каждом углу Чародельска. А она, разумеется, будет проявлять подобающую скромность и сдержанность, хотя ее сердце уже было безнадежно им пленено.

Глава 9. Машка

Мы бродили по улицам Чародельска уже больше двух часов и внимательно осматривали фасады зданий. В моих фантазиях кондитерская уже открылась и вовсю работала, жаром пылала печь с пышной сдобой внутри, прилавки ломились от пирожных, а очередь из довольных клиентов тянулась до самого горизонта и на пару верст дальше. Но в реальности ни один из пустующих домов на нашем пути не годился для будущего производства великолепных сладостей.

— Здесь слишком темно, — я кивнул на полуподвальное окно вросшего в землю домишки, который одна из посланных на разведку Теней определила как нежилой.

— И сыро, — добавил Круш, дернув усами.

— А здесь? — я указал на здание с вывеской "Лавка скобяных товаров" и заколоченными ставнями.

— Крысами пахнет, — фыркнул кот.

Я остановился посреди тротуара и вздохнул. И почему такие тривиальные мелочи, как отсутствие подходящего дома, отдаляют меня от моей мечты?!

— Может, стоит просто купить любой дом, снести его и построить как надо? — спросил я больше себя, чем кота.

— Стройка — это долго, — ответил Круш, садясь и начиная умывать лапу. — У тебя не хватит терпения. Ты непременно начнешь нервничать, а когда ты нервничаешь,

то устраиваешь какую-нибудь дурацкую войну, и нам приходится идти с войском в дурацкий поход, ночевать черт знает где и питаться черт знает чем. Я против.

— Я не буду устраивать дурацких войн, — огрызнулся я.
— Я буду печь бисквиты.

В этом я был точно уверен. Но в том, что в ближайшее время смогу законным способом приобрести какой-то подходящий дом — уже не настолько. Я был близок к тому, чтобы последовать совету Круша и деликатно "освободить" какое-нибудь подходящее помещение от мешающих обитателей. Но именно тогда, когда я открыл рот, чтобы озвучить это Крушу, к нам неожиданно направилась простолюдинка, которая вот уже две минуты стояла чуть поодаль от нас и делала вид, что читает местную газету. Простолюдинка была весьма недурна собой, имела прекрасные формы и густые соломенные волосы, заплетенные в две толстые косы.

— Извините, господа, я случайно услышала ваш разговор, — бойко сказала она и свернула газету. Внимательно и до тошно оглядела нас с Крушем — но не так, как это вчера делала полицмейстер, с подозрением и даже угрозой. А цепко так, будто делая для себя какие-то личные выводы. Я подумал — а случайно ли та услышала наш разговор? Газету-то она за все это время ни разу не перелистнула. — Вы что, собираетесь открыть пекарню? — без всяких церемоний спросила она.

Я прищурился. Круш тоже прищурился. Но ее это совсем

не смутило.

— Кондитерскую, — поправил я.

Простолюдинка почему-то моему ответу очень обрадовалась.

— Мария Петровна Семенова, — представилась она и протянула руку. Рука у нее была мозолистая, с коротко остриженными ногтями и узкими характерными следами ожогов от неудобного противня. Во всяком случае, у меня в детстве были такие же — когда я еще пек. Потом девица опомнилась, отдернула руку и сделала короткий книксен. Тот был поспешным и формальным, будто она не желала уделять много времени любезностям, а хотела сразу перейти к делу. Интересно, к какому? — Вы можете звать меня Машка. Меня все так зовут.

— Ксандромир Иванович Чернодум, — ответил я. — Можешь звать меня Ксандромир Иванович. Меня все так зовут... здесь. Я приехал, чтобы открыть лучшую в городе кондитерскую.

Машка округлила рот в беззвучном восхищенном "О!". Ее глаза загорелись.

— Что, правда? Не шутите?

— Он не умеет шутить, — встрял Круш. — А я, кстати, Круш. Если кому-то интересно.

Машка кивнула.

— Слушайте, господин Чернодум и господин Круш. А вам не нужна работница?

Теперь уже я оглядел ее с ног до головы. Аура у нее была слабой, но сама девица так и дышала жизнью и энергией, держалась уверенно, а глаза были веселые. Порой это было куда важнее магической силы.

Будь мы дома, я бы такую нанял к себе младшей советницей по делам... чего-нибудь. У меня было много советников, каждый со своей сферой ответственности, я, если честно, не помнил, сколько их было и за что отвечал каждый из них. Так вот Машку я бы принял на место любого из этих бездельников.

Но в этом мире я не представлял, какую пользу могла нам принести эта девица.

— Я и сам все умею делать. Зачем мне работница?

— Вы умеете одновременно сами месить тесто, взбивать крем и следить за печами? — подняла светлую бровь Маша.
— И еще принимать заказы, считать деньги и наливать чай клиентам? Из самовара? — она хитро улыбнулась.

Тут она ударила в больное место. Самовар, местный чайник, был для меня большой загадкой. А девица-то не только смелая, но еще и умная!

Я мысленно повысил ее до старшего советника по делам чего-нибудь, а сам спросил:

— А ты все это умеешь?

— Еще как! Я три года работала в пекарне у Жижиных.

Судя по ее самодовольному виду, это была лучшая рекомендация. Хотя я понятия не имел, кто такие Жижины.

— А почему перестала? — спросил Круш. Пока я развлекался тем, что представлял Машку, разгоняющей огромной поварешкой толпу моих советников, Круш, похоже, проводил тут серьезное собеседование.

— Меня выгнали, — честно ответила она. — Жижины хотели экономить на масле, а я отказалась печь на смальце. Я, в отличие от них, уважаю то, что делаю! И хочу гордиться своей выпечкой! Поэтому теперь ищу новую работу, — сказала Маша. — Я прекрасно пеку и знаю всех поставщиков в городе. Мука, яйца, сливки, сахар, даже заграничные пряности... Я знаю, у кого брать лучшее.

Какая напористая дама, подумал я. Мне все больше нравилась ее деловая хватка.

— Хорошо, — сказал я. — Ты нанята.

Машка замерла. Кажется, она собиралась и дальше перечислять свои достоинства, пока не возьмет нас измором.

— Что? — переспросила она.

— Завтра утром приходи... куда приходить, Круш?

— Нам нужно сначала найти помещение, — напомнил кот.

— О, ну так в этом я вам помогу, — с энтузиазмом сказала Машка, которой, видимо, не терпелось доказать свою полезность.

И она действительно это сделала! Мы обошли несколько мест, где стояли действительно неплохие для будущей кондитерской дома. Они все были гораздо лучше тех, что на-

шли мы с Крушем, но я хотел осмотреть все варианты, которые могла предложить Машка, прежде чем принять решение. Несмотря на то, что Круш уже вовсю ныл, что он устал, и требовал отнести его в ближайший трактир, чтобы компенсировать страдания жареной гусиной печеню и кувшином сливок.

Наконец, осталось последнее место. Машка немного мялась, прежде чем нам его показать, но я настоял. Мы свернули на улочку недалеко от управы, которую умудрились проскочить в своих самостоятельных блужданиях, и остановились возле бревенчатого двухэтажного терема с резными наличниками и высокой крышей, за забором которого виднелся большой хороший двор.

— Вот этот недавно выставили на продажу, — объявила она, широким жестом указывая на высокое крыльцо с резными перилами, выкрашенными в синий и красный цвета. — Прежняя хозяйка, вдова Титова, снова вышла замуж и переехала в столицу. А у нынешнего хозяина ухудшились денежные дела и он срочно продает это место.

— А с покойным Титовым что случилось? — спросил Круш, который все же залез мне на руки и последние несколько кварталов путешествовал с комфортом. Я знал, почему он это спросил. Если Титов умер насильственной смертью, то мог оставить после себя посмертную тень. Привидение, другими словами. А Круш очень не любил привидений. Те ему вечно досаждали своими нудными рассказа-

ми, когда осознали, что тот не только их видел — как и все коты — но и мог понимать и даже отвечать. Круш был отчасти мизантроп и готов был терпеть общение с разумными видами только за еду, а у привидений еды не было.

— Титов-то? На войне погиб. У нас тут многие с похода не вернулись. Война, знаете ли, дело такое...

— Человекозатратное, — согласился я. — Поэтому я и предпочитал орков. Их можно клонировать сколько угодно, они не устают, не жалуются и не оставляют дома безутешных вдов.

Машка посмотрела на меня с недоумением.

— Орков? — переспросила она. — Это кто такие?

Я поднял брови. Какой темный мир. Даже про орков здесь никто не слышал. Видимо, местные конфликты решались иначе.

— Лица с низким моральным обликом, — ответил вместо меня Круш, когда я хотел было рассказать о магии клонирования.

— А, ну у нас здесь таких тоже полно, — сказала Машка. — В кабаке "Веселый Вепрь" собираются по вечерам.

Я поднялся на крыльцо терема и прислонил к двери руку. Прислушался к дому.

Внутри все было спокойно. Дом дышал магией — как и все в этом городе — но держался не на одной лишь ней. Магическое излучение было спокойным и ровным, никакими духами не тянуло, а снизу явно проходила какая-то природ-

ная магическая жила.

— Прекрасное место! — одобрил я.

— Да, — согласилась Машка и с сомнением пожевала нижнюю губу. — Но оно очень дорогое.

— Это не проблема, — сказал я. Ближайшая Тень тут же рванула ко мне, готовая высыпать на меня все запасы нашего золота, но я жестом ее остановил.

— Зато они — проблема, — сказала она и указала рукой на противоположную сторону улицы.

Прямо напротив терема стояла большая пекарня с вывеской "Крендели Жижиных". Из трубы валил густой дым, а у входа топтались покупатели.

— Это те самые Жижины, которые тебя выгнали? — уточнил я.

— Именно они, — кивнула Машка, неприязненно глядя на пекарню. — Они здесь главные в Чарodelьске по пекарскому делу. Цены ломают безумные, а сами на яйцах экономят и вместо молока льют в тесто обрат.

Я посмотрел на пекарню.

— И что же? — спросил я. — В чем тут проблема?

— Они не любят конкурентов и могут начать пакостить. Подкупать поставщиков, пускать слухи. Они так Петровых из Чарodelьска выжили. И Дворницких, хотя у них были замечательные сдобные булочки по столичным рецептам, весь город их любил.

— Нет мне дела ни до каких Жижиных, — твердо сказал

я. — Меня так просто не выжить.

Уж я-то знаю! Сколько пытались! Ни у кого не получилось. Куда уж до моих прежних врагов каким-то Жижиным.

— Вы уверены? — переспросила Машка, а в ее глазах уже загорелся азарт и восхищение.

Ха! Я всегда уверен.

— Ищи хозяина терема, — приказал я ей. — Я его покупаю.

Глава 10. Золото

Пока Машка бегала искать хозяев, я подошел к дверям терема и постучал пальцем по замку. Замок щелкнул, и двери с душераздирающим скрипом, от которого вздрогнули даже мои Тени, отворились. Надо в ближайшее же время обновить чары на петлях — звук довольно устрашающий. Не хватало еще, чтобы Теням потом снились кошмары.

— Заходи, — сказал я Крушу и придержал для него дверь.

— Ты уже успел узнать о местных традициях? — удивленно спросил Круш.

— Это вежливость. А что за традиции?

— В новый дом первым запускают кота, чтобы тот победил домового. Или что-то вроде того. Я не совсем понял.

— Кто такой домовый? — насторожился я.

— Какой-то местный дух.

— Тени. Искать домового! — приказал я, и Тени рванули вперед, заклебились вдоль стен, нырнули в подвал, заструились по лестнице на второй этаж.

Пока они искали духа, которого по местному обычаю должен был победить Круш, сам Круш переступил порог, а за ним внутрь вошел и я. Мы оказались в просторном помещении первого этажа с высокими белеными потолками, пыльным дощатым полом и пустыми полками и шкафами, которые стояли вдоль необработанных бревенчатых стен. Здесь

когда-то, видимо, принимали гостей или вели торговлю. Пол был крепким, стены без трещин. Аскетично, но уютно.

Едва ступив на доски пола, Круш чихнул.

— Ага! — я ткнул в его сторону пальцем, уличая в чихании. — Я же говорил, у тебя насморк.

— Это пыль!

— Ну-ну.

Будет еще мне тут сочинять.

Не успели мы как следует осмотреться, как вернулись Тени, взметнув в воздух еще больше пыли. Круш чихнул еще раз и нервно дернул хвостом.

— Где домовой? — спросил я. Однако Тени лишь замотали безливыми головами — никаких посторонних вредных существей они в доме не обнаружили. Замечательно.

— Видимо, домового извел предыдущий кот, — заметил Круш. Кажется, он был рад, что ему не придется побеждать какого-то опасного духа с утра пораньше на почти голодный желудок.

Мы продолжили осмотр и очень скоро нашли дверь в кухню, которая оказалась просто огромной. Вдоль стены была выложена из кирпича каменная печь с чугунными заслонками и плитами. В углу стоял большой стол из светлого дерева, а вдоль другой стены — шкафы для посуды. Потолок был закопчен, но все выглядело целым.

— Тень, — негромко позвал я. — Да не ты. И не ты! Та Тень, которая носит золото.

Из-под стола выползла черная фигура и протянула мне окованный сталью сундук, полный золотых монет моей прежней Империи. Они тускло засверкали в полумраке кухни, свет в которую проникал в щели между закрытых ставен.

Сам же я достал тот самый рубль, который увел из-под носа портного.

— Надеюсь, ты осторожно его украл? — спросил Круш, запрыгивая на стол. Он снова фыркнул от пыли, но сдержал чихание. — Ты ведь знаешь, что все население здесь — маги, и они быстро вычислят, кто обнес кассу?

— Так я же ее без магии обнес, одной лишь ловкостью рук. Это, знаешь ли, полезный навык в ситуациях, когда тебя постоянно пытаются убить. Хочешь знать, сколько пузырьков с ядом я таким образом достал из карманов своих придворных, пока ты мышей ловил непонятно где?

— Не хочу, — отрезал Круш.

— Сто тридцать восемь! — несмотря на нежелание кота, сообщил я ему. Мало ли что он там не хочет. Знания — сила! Круш закатил глаза.

— И все равно портной может догадаться, куда его золотой прямо после нашего визита запропастился.

— Если догадается, придется его убить, — ответил я. — А труп сжечь в демоническом пламени. — Я протянул руку к печи, и внутри занялось черное пламя. Оно извергало вытянутые лица демонов, которые беззвучно ревели что-то своими клыкастыми пастями. — Кажется, разгорелось, — заме-

тил я.

Да, обычно демоническое пламя используют дляковки Проклятых мечей или избавления от трупов врагов. Но я торопился. Мне срочно нужно было перелить мои монеты по местному образцу.

Уже спустя полчаса я вынул из демонического пламени последнюю монету, которая теперь выглядела точь-в-точь, как местные рубли, бросил ее в пылающий жаром сундук и погасил пламя. В печи не осталось никаких следов — кроме того, что она была раскалена так, что в помещении стало жарко.

Готово. Теперь наша платежеспособность не вызовет никаких вопросов у местных.

Как раз в этот момент снова раздался жуткий скрип несмазанных петель входной двери. С громким топотом в кухню вбежал полный мужчина в туго обтягивающим его бок камзоле и с пышными бакенбардами. Связка ключей в его пухлых руках звенела при каждом шаге.

— Это что такое?! — закричал он. — Кто вы такой и почему находитесь в моем доме без разрешения?!

Я распрямил плечи.

— Ксандримор Иванович Чернодум, — представился я. — Я покупаю этот ваш терем.

Хозяин замер, на ходу оборвав тираду, которой готов был разразиться.

— Покупаете? — переспросил он наконец. Его взгляд

упал на печь, и он нахмурился. — А почему печь горячая? — он пощупал кирпичную стенку печи и с воплем отдернул руку — да, демоническое пламя было чуть более жарким, чем обычное.

— Я растопил, — кратко ответил я.

— Зачем? — удивился хозяин. — Лето же.

— Для кота.

— Для кота? — переспросил хозяин и уставился на Круша, который все еще сидел на столе.

— Для меня, — подтвердил он.

— Он простыл, — пояснил я. — Насморк.

Хозяин моргнул и снова посмотрел на печь. Заглянул внутрь.

— А где угли?

Это что, конкурс детективных талантов?

— Сколько вы хотите за терем? — перешел я к делу.

Когда речь зашла о деньгах, хозяин сразу потерял интерес к тайне пропавших углей и простывших котов.

— Пятьсот золотых. Это центр, сударь!

— Согласен, — кивнул я.

Он замер и подозрительно посмотрел почему-то на кота.

— А у вас вообще есть такие деньги?

Я открыл сундук. В глазах продавца засверкало отражение монет. Совершенно не стесняясь, он чарами проверил подлинность золота. Хотел было схватить одну из монет, но Круш быстро захлопнул крышку, едва не прищемив ему

пальцы.

— Это другое дело! Тогда я сейчас же иду к маклеру, и мы с вами все оформим! Вы ведь знаете, где найти маклера?

— Я найду, не сомневайтесь, — важно ответил я.

Хозяин кивнул, развернулся и почти бегом покинул кухню, в дверях столкнувшись с Машкой. Она вошла, нахмурилась и грозно уперла руки в бока.

— Пятьсот? — спросила она.

— Такова была цена, — пожал я плечами.

— Такова была начальная цена! — всплеснула руками Маша. — Нужно было торговаться и сбить хотя бы до трехсот. В следующий раз вы не должны так спешить в подобных вопросах. Вы же не морковку на базаре покупаете.

Я лишь отмахнулся. Уже скоро эта широкая печь, крепкие стены и высокие потолки будут моими. Это было прекрасное место для кондитерской. В зале будут стоять витрины с тортами, на столе Машка будет месить тесто, а я — начинять кремом свежие пирожные.

Великолепный план! Лучший за последние десятилетия!

Я не смог сдержать эмоций, запрокинул голову и раскатисто злодейски рассмеялся.

Маша вздрогнула и выпучила глаза.

— Чего смешного?! — спросила она.

Я слегка смутился, откашлялся и пригладил волосы.

— Радуете он так, — пояснил Круш, спрыгивая со стола.

— Давайте хоть осмотрим до конца то, что купили.

— Так вы даже и не все осмотрели?! — возмутилась Машка, мгновенно оправившись от эффекта моего смеха. — Это несерьезно, господин Чернодум!

Машка деловито обошла первый этаж, достала из кармана маленький блокнот и огрызок карандаша.

Мы с Крушем и Тенями следовали за ней.

— Стены нужно покрасить, — сказала она. — И рамы подтянуть. Вон там щель в палец толщиной, видите? Летом не страшно, но по осени будут сквозняки. Раньше здесь был трактир, — Маша нацарапала что-то в блокнот. — Так что комнаты расположены удачно. Большая зала для гостей, отдельная кухня с выходом во двор. Но мебель надо менять. Столы и стулья старые, половина поломаны. Посуду тоже купим новую, — она скептически оглядела шифоньер с битыми тарелками. — Нам нужны будут тарелки для тортов, блюда для пирожных и чашки для чая. И обязательно большие стеклянные витрины с чарами света — чтобы ягоды на тортах красиво блестели, и их хотелось купить.

Я на каждое ее предложение кивал, и Тени тоже синхронно кивали из своих углов. Все по делу говорила девка.

Мы спустились в прохладный пахнувший землей подвал, в дальнем углу которого виднелась крепкая дверь с холодящими рунами. Машка со второго рывка открыла ее, и на нас дохнуло еще большей прохладой. Внутри обнаружились ряды полок и стеллажей, какие-то сломанные ящики и пустые банки, которые стояли прямо на больших квадратных пли-

тах пола.

— Холодильная комната хорошая, — оценила Машка. — Но руны нужно будет подзарядить, холодит плохо. Будем держать здесь сливки, яйца и заготовки. А на тех полках дополнительные чары долгого хранения — для самых скоропортящихся продуктов.

Мы поднялись наверх и вышли на задний двор. Тот был немного захламлен, но вполне пригоден к делу. Рядом с дверью в кухню стоял добротный амбарчик.

— В амбаре надо обновить чары от вредителей. Если господин Круш не возражает.

— Почему я должен возражать? — спросил кот.

— Может, вы сами желаете грызунов ловить, — Машка пожала плечами.

Круш оскорбленно распушил шерсть.

— Это не входит в сферу моих интересов, — высокомерно заявил он, сдержав возмущение. Но его хвост так и остался распушенным от негодования.

— Вот и славно. С чарами все же как-то удобнее. Будем хранить здесь мешки с мукой и сахаром.

Мы вернулись внутрь, и я прошелся по залу, представляя, как здесь будут стоять столики с кружевными скатертями, на стенах появятся мои парадные портреты... то есть, нет, какие парадные портреты — лучше уж натюрморты с изображением кренделей, а в витринах будут лежать эклеры с шоколадной глазурью и бисквитные рулеты с ягодной начинкой.

Машка, в отличие от меня, мечтам не предавалась, а продолжала составлять свой прагматичный список:

— Теперь наш рабочий инструмент. Нам нужны медные тазы для варки кремов, три штуки разного размера. В маленьких будем варить заварной крем, в больших — карамель и варенье, — деловито сказала она, делая пометки в блокноте. Я кивнул, а сам в красках — и запахах — представил, как в этих тазах будет кипеть густой крем и наполнять кухню сладким ароматом. — Формы для выпечки пирогов, запеканок и бисквитов возьмем чугунные. И обязательно нужны будут фигурные жестяные формочки в виде звезд, ромбов и птиц — люди любят печенье красивой формы.

— Тогда еще в виде котов, — уточнил Круш. — Двух видов — в полный рост и портретный вариант.

Машка закусил кончик карандаша и кивнула.

— Отличная идея. Сегодня же закажу у жестянщика, — она черкнула в блокноте и продолжила: — Еще купим деревянные скалки, одну большую и две поменьше, и одну обязательно — с выемками, чтобы делать узоры на пряниках.

— Зачем узоры на пряниках? — спросил я. Пряники было для меня словом новым, но я не хотел показаться некомпетентным и не стал спрашивать, что это. Наверное, это какой-то местный вариант печенья.

— Для красоты. Красивый пряник с узором кажется вкуснее, чем обычный, — назидательно сказала Машка. Я видел, как горели ее глаза — похоже, в моей кондитерской она со-

биралась воплотить все свои личные представления об идеальном кондитерском деле. Что ж, я не был против, ведь пока что мне нравились все ее идеи, а уж то, сколько мелочей, о которых я бы не подумал, она уже учла, было невероятным. — Еще купим два сита — для муки и сахарной пудры, точные аптечные весы, чтобы отмерять вес, стеклянные банки с притертыми крышками, чтобы хранить заграничные пряности и орехи. А еще нужны красивые подносы с бортиками, чтобы выносить свежую выпечку из кухни в зал.

Я с восторгом представлял все то, что она перечисляла. Перед глазами так и стояла картина, как Машка будет выносить на больших подносах теплые глазированные булочки, начиненные кремом и пряностями из стеклянных банок, и покупатели будут падать в обморок от их аромата.

— А ты и правда во всем разбираешься, — заметил я, когда Машка причислила к покупке еще венчики и разные виды ножей, в том числе заказные фигурные для вырезания коржей. О таких даже я не слышал — а Машка слышала, хоть и вряд ли раньше когда-нибудь пользовалась. Сейчас она совершенно не ограничивала свою фантазию, что было просто замечательно.

— Пекарство — это моя жизнь! — гордо заявила она и вслух перечитала список на четыре страницы. — Знаете, господин Чернодум. Мне кажется, у нас получится хорошая кондитерская.

— Нет, — сказал я. — Она будет превосходная. — Я по-

дошел к сундуку, который все еще охранял Круш, поднял крышку, отсчитал тридцать золотых монет и передвинул их горку ближе к Машке. — Это на первые расходы.

Та распахнула рот и уставилась на золото.

— Господин Черnodум, это же целое состояние! Вы что, мне доверяете? — спросила она.

— Меня еще никто безнаказанно не обманывал, — ответил я.

И тут меня накрыло. Внутри поднялась знакомая волна веселья. Моя фирменный смех рвался наружу, потому что мне было хорошо и все складывалось именно так, как я хотел, и потому что эта бойкая девчонка разделяла мои планы и стремления, как свои собственные.

Я открыл рот, чтобы разразиться хохотом, но в этот момент встретился с прищуренным желтым взглядом Круша, который всем своим видом говорил: только попробуй.

Я кашлянул, плотно сжал губы и отвернулся в сторону.

Круш покачал головой.

— Ксандримор Иванович хотел сказать, что доверяет тебе, — пояснил он. — Иди и купи все, что надо. И для меня что-нибудь к обеду. Рыбу, например, да получше и подороже. На коте экономить нельзя.

Машка рассмеялась. Ее звонкий открытый смех эхом отразился от голых стен зала, а глаза заблестели от предвкушения чего-то замечательного, и это блеск был куда ярче, чем блеск золота.

— Полностью согласна! На коте экономить нельзя! — сказала Машка, отсмеявшись. Она пересыпала золото в скромный кожаный мешочек для монет и направилась к выходу. — Я начинаю с рынка. Потом к столяру, договорюсь о мебели. Потом к жестянщику за формами. К вечеру вернусь. Не скучайте!

Она бодрым шагом вышла на улицу, и Тени с облегчением закрыли за ней двери — они любили тишину и спокойствие, а Машка была полной противоположностью и того, и другого.

— Прекрасная помощница, — заметил я.

— И с правильными жизненными ценностями, — добавил Круш. — Мы точно сработаемся.

— Уверен. А пока — идем покупать этот терем.

Мы вышли на крыльцо, и я полной грудью вдохнул сладкий воздух Чародельска. Солнце уже поднялось высоко и ярко освещало улицу, крыльцо и одичавшие заросли многолетних цветов по обе его стороны.

Сегодня был чудесный день для начала чего-то великого.

Чувствуя на себе внимательный взгляд из пекарни напротив, я отправился покупать этот замечательный терем.

Глава 11. Сделка

Машка заранее объяснила мне, как найти маклерскую контору, и потому мы с Крушем отыскиали ее без труда. Тем более, что инструкции звучали как "выйти на соседнюю улицу и найти желтый дом с вывеской "Контора присяжного маклера Соломонова". Подходящий под описание дом оказался сразу за поворотом переулка, который соединял улицы Большая, она же центральная, и Маковая, где стояла моя будущая кондитерская.

Мы с Крушем вошли внутрь прохладного помещения, и дверь отрезала нас от шума разговоров, криков мальчишек-газетчиков и ржания лошадей. Здесь было куда тише, а воздух пах старыми чернилами и почему-то луком. За столом сидел пожилой маклер, наверное, тот самый Соломонов, а рядом нервно переминался с ноги на ногу нынешний хозяин терема. Увидев нас с Крушем, он просиял.

— Господин Чернодум! — воскликнул он. — Вы пришли! Я уж думал, что, ну, мало ли. Цены нынче высокие, вдруг вы передумали?

— Я не передумываю. Давайте быстрее все оформлять.

Я никогда не любил все эти бумажные дела. В Империи у меня была дюжина специальных бумажных советников, а у каждого специального бумажного советника по дюжине секретарей, чтобы заниматься всей этой скучной, нудной, бес-

смысленной деятельностью. Но здесь из помощников у меня пока были только Круш, Тени и Машка, и за исключением Машки никто не годился на то, чтобы сделать необходимые бумажные дела. Потому что если Круш был хорош в подделке документов, это еще не значило, что он разбирался в их содержании.

— Прошу вас, присаживайтесь, господа, — маклер указал на стулья перед столом. Я сел на левый, а правый занял Круш, опередив хозяина терема. Тот неловко дернулся, но сделал вид, что просто переступил с ноги на ногу, а не пытался только что сесть на занятое котом место. Соломонова это развеселило. — Что же вы все так торопитесь? Молодежь, хе-хе, — не то рассмеялся, не то закашлялся он. От этого еще сильнее запахло луком. — Ваши документы, пожалуйста.

Я достал паспорт и небрежно протянул его маклеру, как будто это для меня было привычным делом, и я показывал документы всем желающим по сто раз на дню.

Соломонов взял паспорт и долго его изучал. Круш нервно дернул хвостом, потом еще раз, зато я ничем не выдал волнения. Если он обнаружит подделку, я просто его испепелю и скажу, что так и было.

— Прекрасно, Ксандримор Иванович, — наконец сказал маклер и принялся вписывать мою фамилию в подготовленный заранее бланк купчей. — Теперь подпишите здесь и здесь, — закончив и промакнув чернила промокашкой, он пододвинул бумагу и чернильницу ко мне. На ней уже было

вписано имя продавца, адрес и описание терема. Прекрасно.

Я размашисто расписался, что было не очень удобно делать пером — но рефлексy опытного фальсификатора сработали как надо, и чернила с помощью магии легли так, как было нужно.

— Теперь оплата, — сказал маклер.

Ответственная за золото Тень вручила мне в руки сундук, и Соломонов и продавец терема уставились на мои руки, не заметив предшествующего колдовства. Я жестом переместил пятьсот монет на стол, и сундук так же незаметно для них исчез в теневом измерении.

Теперь взгляд Соломонова сосредоточился на монетах, а его седые брови поползли вверх.

— Деньги что, новые? — спросил он недоуменно. — Слишком уж блестят.

Я едва не чертыхнулся. Ну что ж такое — все-то им мое золото кажется подозрительным. То чеканка не та, то монеты слишком блестят. Тьфу.

Пока я досадовал, Круш лениво зевнул.

— Это наследство, — сказал он, как будто не было объяснения более обыденного и скучного.

— Наследство? — переспросил маклер, прищурившись.
— От кого?

— От бабушки, — ответил кот.

— От чьей бабушки? — уточнил маклер.

— От моей, — сказал Круш.

Маклер перевел взгляд на меня.

— Правда?

— Мой секретарь так шутит, — сказал я, сохраняя серьезное лицо.

— Именно, — подтвердил Круш. — Это наследство от его бабушки.

Я подавился возмущением, но лишь потому, что присутствующих объяснение полностью устроило. Ну, Круш!

Маклер снова прищурился, отчего его пожилое лицо стало выглядеть еще более пожилым, и положил одну монету перед собой. Потом достал из ящика стола небольшой кристалл темно-синего цвета и прислонил к ней, отчего тот загорелся белым светом.

— Золото настоящее, — сказал он.

Продавец хлопнул в ладоши.

— Ну слава богу! — воскликнул он. — Давайте же деньги!

Он протянул руки к монетам, но маклер прикрыл их своей ладонью.

— Сначала подписи в книге регистрации, — строго сказал он. — И печать конторы.

Продавец застонал, но послушался. Маклер медленно и тщательно поставил печать на купчей, затем вписал данные в большую книгу. После чего сделал две магические копии документов.

— Можно уже? — нетерпеливо спросил продавец.

— Можно, — наконец разрешил маклер.

Продавец схватил монеты обеими руками, ссыпал их в большой кожаный мешок и крепко завязал шнурки.

— Спасибо, господин Чернодум! — сказал он. — Спасибо! Вы не пожалеете! Дом отличный!

Он прижал мешок к груди и почти бегом покинул контору. Маклер проводил его взглядом.

— Вот ваш экземпляр купчей. Вот ваши ключи. Поздравляю с покупкой, сударь.

Я взял пахнущий луком документ и связку разнокалиберных ключей от дверей, ворот и калитки, кивнул и тоже поспешил выйти из конторы. Меня даже не удивила спешка продавца — мне тоже хотелось поскорее оказаться подальше от этого ядреного лукового духа. Лишь на улице я наконец осознал, что первый шаг сделан — и без всяких проблем.

Если не считать ими кощунственное вранье моего кота!

— "От бабушки", — передразнил я. — Как тебе это в голову пришло? Бедная моя бабуля, слышала бы она, что мы ее только что похоронили. Сама бы нас похоронила.

Круш тихо хихикнул.

— Так ей и надо. Ох и вредная старушка! При каждой встрече заставляла меня худеть и кормила какой-то капустой. Хоть какую-то пользу принесла.

* * *

Городничий Чародельска Федор Игнатьевич Попруйский сидел в своем кабинете и с наслаждением грыз сушку, макая ее в блюдце с медом. Перед ним на столе лежали несколько

записок и один доклад.

Все документы касались одного и того же приезжего.

Федор Игнатьевич отложил сушку, вытер липкие пальцы о льняную салфетку и еще раз перечитал написанное. Некий Ксандримор Иванович Чернодум намедня прибыл к ним из Османской Империи и тут же принялся безобразничать. В частности, утопил в грязи по самую макушку князя Толстошеева и двух его прихвостней.

Городничий хмыкнул. Толстошеева он терпеть не мог. Мальчишка был дураком и бездарем, зато вот его родители в Петербурге — очень влиятельными людьми, а потому до поры до времени приходилось делать вид, что выходки оболтуса — сущие пустяки. Но сколько раз Федор Игнатьевич мечтал о том, чтобы кто-нибудь наконец поставил князька на место! И вот, пожалуйста — какой-то заезжий чужестранец исполнил его желание, но...

Тот же приезжий поутру повстречал на выгоне брата городничего Архипа и дважды приложил его кулаком по носу. Федор Игнатьевич вздохнул. Архип был большой головной болью — лентяй и пьяница, который при каждом удобном случае начинал махать кулаками, а то и хлыстом. Но все же он был его братом, и в другой ситуации чужестранец уже сидел бы за решеткой в управе, но...

Городничий побарабанил пальцами по столу. Нужно было все хорошенько обдумать. Слишком много планов было приведено в действие, слишком многое стояло на кону, и лю-

бая неосторожность могла все испортить.

Заявление братца-охламона Федор Игнатьевич у полицеймейстерши поутру забрал. Троица дворян, к слову, жаловаться так и не явилась — сидели в усадьбе Толстошеева и носа не казали после позора, который видел весь трактир и болтун-конюх в придачу.

Городничий взял еще одну сушку, покрутил ее в пальцах и положил обратно на фарфоровое блюдечко.

Что до самого приезжего, тут донесения расходились в подробностях, но сходились в одном: маг он был сильный, возможно, даже очень сильный. Притом — подозрительный. И, видать, себе на уме. Совсем не такой, как простаки-местные — а "не таких" здесь не любили.

До того сильно не любили, что уже успели спозаранку, в десять часов, когда Федор Игнатьевич только явился на рабочее место, прибежать в управу целой делегацией — числом в четыре человека — и потребовать немедленно выдворить чужака из города от греха подальше. Лично им приезжий ничего дурного не сделал, но вид его им категорически не нравился.

Городничий фыркнул и все же взял новую сушку. Макнул ее в мед. Можно подумать, у него других забот нет, кроме как выгонять из города каждого, кто кому-то не понравился.

К тому же дело осложнялось тем, что этот "каждый" полчаса назад приобрел в центре Чарodelьска тот самый дом на Маковой. И, поговаривают, намерен крепко обосноваться в

городе и даже открыть кондитерскую.

В последнее Попруйский мало верил. Ясное дело, что это был лишь предлог, не больше.

Очень любопытно, кто же он все-таки такой, этот Чернотум? Что замыслил? А главное — как можно с толком использовать его внезапное появление в Чародельске именно сейчас, в это судьбоносное время?

На этот счет у Федора Игнатьевича уже созрел прекрасный во всех отношениях план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.